

Джек Ричер, или Вечерняя школа

Автор:

Ли Чайлд

Джек Ричер, или Вечерняя школа

Ли Чайлд

Грандмастер острого сюжетаДжек Ричер #21

В 1996 году Джек Ричер все еще служил в военной полиции в чине майора, раскрывая одно преступление за другим и получая заслуженные награды. Внезапно ему сообщили, что он направляется... в вечернюю школу на повышение квалификации. Донельзя удивленный Ричер прибыл на новое место прохождения службы. Выяснилось, что школа и обучение – лишь ширма, «дымовая завеса». На самом же деле он и еще несколько классных спецов из ФБР и ЦРУ должны выполнить задание высочайшей важности. Разведслужбы получили информацию о том, что некий американец, проживающий в Гамбурге, в Германии, должен получить от афганских террористов сто миллионов долларов. За что ему платят такие нереальные деньги? Что он продает? И как его найти? Джек Ричер не выйдет из «вечерней школы», пока не ответит на все эти вопросы...

Ли Чайлд

Джек Ричер, или Вечерняя школа

Lee Child

Night School

С чувством глубокого уважения посвящается мужчинам и женщинам по всему миру, которые занимаются этим делом по-настоящему

Глава

01

Утром Джеку Ричеру вручили награду, а днем отправили снова учиться. Это был орден «Легион почета», его второй. Красивый, на белой эмали, с пурпурной ленточкой. В соответствии с армейским уставом, пункт 600-8-22, им награждают за исключительные и выдающиеся достижения на службе США в ответственной должности. Ричер считал, что, строго говоря, он его заслужил, но не сомневался, что получил орден по той же причине, что и в первый раз, – обычная сделка и договорной подарок.

Возьми побрякушку и помалкивай о том, что тебе пришлось за нее сделать. На самом деле хвастаться было особо нечем. Балканы, обычная полицейская работа, поиски двух местных жителей, располагавших военными секретами. Имена обоих довольно быстро стали известны, их нашли, нанесли им визит и прикончили выстрелами в голову. В качестве части процесса мирного урегулирования. Все интересы соблюдены, и страсти в регионе немного поутихли. Две недели жизни. Истрачено четыре патрона. Обычное дело.

В пункте 600-8-22 на удивление невнятно говорилось о том, как именно следует вручать награды; указывалось лишь, что их следует выдавать с соблюдением соответствующих формальностей и церемоний. Что обычно означало большую

комнату с позолоченной мебелью и кучей флагов. И участие офицера выше рангом того, кто получает медаль. Ричер был майором с двенадцатилетним стажем, но в это утро, кроме него, на церемонию пригласили трех полковников и двух бригадных генералов, а посему ее проводил генерал-лейтенант из Пентагона, которого Джек знал еще с тех времен, когда тот являлся батальонным командиром в уголовном розыске в Форт-Майере. Он не был дураком и, вне всякого сомнения, задавался вопросом: за какие заслуги майор военной полиции получает орден «Легион почета»? Ричер видел это по выражению его глаз – ироничному и одновременно исключительно серьезному, он ведь выполнял свой долг. Возьми побрякушку и помалкивай. Возможно, в прошлом он и сам делал что-то подобное. Его парадный мундир на левой стороне груди украшал целый фруктовый салат из разноцветных ленточек. Включая две «Легиона почета».

* * *

Комната, соответствующая данному формальному событию, находилась в глубине Форт-Белвора, в Вирджинии, рядом с Пентагоном, очень удобно для генерал-лейтенанта. Впрочем, и для Ричера тоже, поскольку база располагалась совсем рядом с Рок-Крик, где он болтался с тех пор, как вернулся в Америку. И совсем неудобно для офицеров, прилетевших из Германии.

Некоторое время приглашенные на церемонию расхаживали по комнате, пожимали руки, обменивались ничего не значащими фразами, потом все замолчали, построились и встали по стойке «смирно». Они четко отдавали честь, когда им прикалывали награды на грудь или вешали ленточки на шеи, снова пожимали руки, перебрасывались парой слов и переходили от одной группы к другой.

Ричер начал пробираться к двери, стараясь поскорее уйти, но его остановил генерал-лейтенант, который пожал ему руку и придержал за локоть.

– Я слышал, ты получил новый приказ, – сказал он.

– Мне про это еще никто не сказал, – ответил Ричер. – Пока. А вы откуда узнали?

– Мой старший сержант. Они любят поболтать. Сержантский состав в нашей армии имеет самую эффективную разведывательную сеть. Они всегда и всё знают, а я не устаю этому удивляться.

– И что они сказали, куда меня отправляют?

– Они не знают наверняка, но недалеко. В любом случае в такое место, куда можно добраться на машине. Кажется, в гараж пришел соответствующий запрос.

– И когда мне сообщат новость?

– Сегодня, но когда точно, мне неизвестно.

– Спасибо, – сказал Ричер. – Такие вещи хорошо знать заранее.

Генерал выпустил его локоть, Джек добрался до двери и вышел в коридор, и в этот момент перед ним резко затормозил сержант 1-го класса, который отдал ему честь. Он запыхался, как будто прибежал из отдаленной части комплекса, где делалась настоящая работа.

– Генерал Гарбер передает вам свои наилучшие пожелания, сэр, и просит зайти к нему в кабинет, как только вам будет удобно, – сказал посыльный.

– И куда меня собираются отправить, солдат? – спросил Ричер.

– Вы сможете добраться туда на машине, – ответил сержант, – но в наших местах это может быть все что угодно.

* * *

Кабинет Гарбера находился в Пентагоне, и Ричер поехал туда на машине вместе с двумя капитанами, они жили в Белворе, но дежурили в вечернюю смену в Кольце-Б. Гарбер имел собственный отгороженный кабинет на втором этаже внутри двух колец, который охранял сержант, сидевший за столом за дверью. Увидев Ричера, он встал, проводил его внутрь и назвал имя, совсем как

дворецкий из старого кино. Затем сделал шаг в сторону и собрался ретироваться, но Гарбер его остановил, сказав:

– Сержант, я хочу, чтобы ты остался.

Тот выполнил приказ и встал по стойке «вольно», широко расставив ноги на блестящем линолеуме.

Свидетель.

– Садись, Ричер, – сказал Гарбер.

Джек сел на предназначавшийся для посетителей стул с цилиндрическими ножками, который просел под его весом и поехал назад, как будто задул сильный ветер.

– У тебя новый приказ, – сказал Гарбер.

– Что и где? – спросил Ричер.

– Ты возвращаешься в школу.

Джек промолчал.

– Разочарован? – спросил Гарбер.

Для этого и потребовался свидетель, догадался Ричер. Официальный разговор. Значит, предполагается хорошее поведение.

– Как и всегда, генерал, я счастлив отправиться туда, куда меня пошлет армия, – ответил он.

– Голос у тебя не слишком счастливый. А тебе следовало бы радоваться. Продвижение по службе – замечательная вещь.

– Какая школа?

- Все детали нового задания прямо сейчас отнесли в твой кабинет.
- И сколько времени меня не будет?
- Зависит от твоего усердия. Полагаю, столько, сколько потребуется.

* * *

Ричер сел в автобус на стоянке в Пентагоне и проехал две остановки к подножию холма, на котором располагался штаб Рок-Крик. Потом он поднялся вверх по склону и сразу направился в свой кабинет. На столе, по самому центру, лежала тонкая папка с его именем и какими-то цифрами, озаглавленная: «Влияние современных инноваций в криминалистике на координацию действий агентств». Внутри он обнаружил листки бумаги, еще теплые после копира, и среди них – официальный приказ о временном переводе в какое-то место, находившееся на арендованной территории в бизнес-парке в Маклине, штат Вирджиния. Ему надлежало явиться туда до пяти часов этого дня, в гражданской одежде. Жить он будет по месту службы. Его обеспечат личным транспортным средством. Без водителя.

Ричер засунул папку под мышку и вышел из здания. Никто не смотрел ему вслед. Он никому не был интересен. Больше не интересен. Он стал разочарованием. Сержантская разведывательная сеть затаила дыхание, но сумела узнать лишь непонятное местоположение и дурацкий заголовок. Так что теперь он превратился в пустое место. Вышел из обращения. С глаз долой, из сердца вон. Точно футболист, чье имя попало в список инвалидов. Через месяц кто-нибудь, возможно, на секунду его вспомнит, задастся вопросом, когда он вернется и вернется ли вообще, а потом так же быстро забудет.

Сержант, сидевший со скучающим видом за столом у входа, поднял голову и тут же ее опустил.

* * *

У Ричера было мало гражданской одежды, а некоторая из этого числа не совсем чтобы гражданская. Брюкам, которые он надевал в свободное от служебных

обязанностей время – цвета хаки, из обмундирования морских пехотинцев, – исполнилось лет тридцать. Он знал одного парня, знакомого с другим парнем, работавшим на складе. Так вот, тот, второй парень говорил, что у них валяется целая куча ошибочно доставленных еще во времена президентства Линдона Джонсона вещей, но никто так и не озаботился отправить их по нужному адресу. Главная суть истории заключалась в том, что старые форменные брюки морской пехоты выглядели точно как новые от «Ральфа Лорена». Впрочем, Ричера совершенно не волновало, на что похожи его штаны. Однако пять баксов – весьма привлекательная цена, да и брюки вполне ничего себе. Неношенные, вообще ни разу никем не надетые, аккуратно сложенные; правда, с легким затхлым запахом, но явно способные прослужить еще лет тридцать.

Футболки, которые он носил в свободное время, тоже не имели ни малейшего отношения к гражданской одежде; они были старыми, армейскими, выцветшими и тонкими от многочисленных стирок. Действительно гражданским был только пиджак – из коричневой хлопчатобумажной ткани, фирмы «Ливайс», настоящий во всех отношениях, вплоть до этикетки, но сшитый матерью его бывшей подруги в подвале Сеула.

Ричер переоделся, сложил оставшиеся вещи в холщовую сумку и портплед и вынес все это на улицу, где уже стоял черный «Шевроле Каприс». Он решил, что прежде автомобиль был черно-белым и находился на службе в военной полиции, но вышел на покой, с него сняли все опознавательные знаки, а отверстия от антенн и световой штанги на крыше заделали резиновыми пробками. Ключ находился в замке зажигания. Ричер отметил потертые сиденья, но двигатель заработал сразу, и с передачей и тормозами все было в полном порядке. Джек развернул машину, как будто участвовал в маневрах боевых кораблей, и покатил в сторону Маклина, штат Вирджиния, опустив стекла и включив музыку.

* * *

Бизнес-парк ничем не отличался от многих других своих совершенно одинаковых собратьев – коричневые и бежевые тона, не бросающиеся в глаза таблички с надписями, аккуратные лужайки, тут и там вечнозеленые растения и деревья, кампусы с низкими двух- и трехэтажными зданиями, растянувшимися до самых границ пустой земли. Обслуживающий персонал прячется за простыми именами и цветными стеклами окон своих кабинетов и магазинчиков. Ричер нашел нужное место по номеру улицы и остановился рядом со щитом,

доходившим ему до колен, с надписью «Корпорация образовательных решений», сделанной таким незамысловатым шрифтом, что казалось, будто ее вывел ребенок.

Около двери стояли еще два «Шевроле Каприс», один черный, другой голубой, оба заметно новее того, в котором приехал Ричер. И несомненно гражданских, никаких тебе резиновых пробок и перекрашенных дверей. В общем, правительственные седаны, чистые и сверкающие, на каждом по две дополнительных антенны, совершенно ненужных, если ты хочешь послушать репортаж с футбольного матча. И эти дополнительные антенны в обоих случаях были разными. На черной – короткие, на голубой – подлиннее. Разные длины волн, две организации.

Координация действий агентств.

Ричер припарковался рядом и, оставив вещи в машине, вошел в дверь и пустой вестибюль, застеленный длинным серым ковром, с расставленными тут и там у стен горшками с растениями, вроде папоротников. Из вестибюля вели две двери; на одной было написано: «Офис», на другой: «Классная комната». Джек открыл ее и увидел в дальнем конце школьную зеленую доску и двадцать столов, расставленных в четыре ряда по пять в каждом. На столах справа имелась небольшая полочка для бумаг и карандашей.

За двумя столами сидели двое мужчин в костюмах. Один в черном, другой в голубом, совсем как их машины. Оба смотрели прямо перед собой, как будто чуть раньше о чем-то разговаривали, но у них закончились слова. Оба были примерно ровесниками Ричера, Черный Костюм – бледный, с темными волосами, слишком длинными для того, кто ездит в правительственной машине. Голубой Костюм тоже был бледным, с коротко подстриженными бесцветными волосами, как у космонавта. Сложением он тоже напоминал космонавта или гимнаста, совсем недавно закончившего спортивную карьеру.

Ричер вошел, оба повернулись и уставились на него.

– Вы кто такой? – спросил Темноволосый.

– Смотря, кто вы такой, – ответил Джек.

– Ваше имя зависит от моего?

– Нет, от вашего имени зависит, стану ли я называть вам свое. Это ваши машины стоят снаружи?

– А это важно?

– Наводит на размышления.

– В каком смысле?

– Они разные.

– Да, – ответил Черный Костюм. – Это наши машины. И да, вы находитесь в классной комнате с двумя представителями двух разных агентств. Школа кооперации. Здесь нас научат сотрудничать с другими организациями. Только не говорите нам, что вы из одной из них.

– Военная полиция, – сказал Ричер. – Но не волнуйтесь; я не сомневаюсь, что к пяти часам тут будет полно гражданских, вы сможете забыть про меня и заняться ими.

Тип с короткой стрижкой посмотрел на него и сказал:

– Нет, я думаю, мы и есть ученики, больше никого не будет. Я тут осмотрелся и обнаружил всего три спальни.

– Что это за школа такая, в которой только три ученика? – удивился Ричер. – Никогда не слышал ничего подобного.

– Может, мы преподаватели, а студенты живут где-то в другом месте.

– Да, звучит разумно, – заметил Темноволосый.

Ричер задумался, вспоминая разговор в кабинете Гарбера.

– Мне что-то говорили про повышение по службе, но ощущение возникло такое, будто речь про меня, в том смысле, что продвижение ждет меня. Потом сказали, что, если я буду как следует трудиться, все получится очень быстро. В общем, полагаю, я не отношусь к преподавателям. А как звучали ваши приказы?

– Примерно так же, – ответил Короткая Стрижка.

Темноволосый промолчал, лишь демонстративно пожал плечами, как будто хотел сказать, что человек с развитым воображением может интерпретировать его приказ как нечто малоинтересное.

– Я Кейси Уотермен, ФБР, – представился парень с короткой стрижкой.

– Джек Ричер, армия США.

– Джон Уайт, ЦРУ, – сказал Темноволосый.

Они пожали друг другу руки и погрузились в молчание сродни тому, что встретило Ричера, когда он вошел, поскольку не знали, что еще можно сказать. Джек сел за стол в задней части класса. Уотермен сидел впереди и слева, Уайт – впереди и справа. Уотермен сохранял полную неподвижность, но был настороже. Он использовал ожидание, чтобы сберечь энергию и силы, и Ричер понял, что он уже делал такое и раньше и был опытным агентом. Совсем не новичок. Как, впрочем, и Уайт, несмотря на то, что во всем остальном он являлся его полной противоположностью. Он подергивался, постоянно менял положение, шевелил руками и щурился, глядя в пространство, долго смотрел в одну точку, потом быстро переводил глаза на другую, иногда морщился, поворачивался налево, затем направо, словно его мучили какие-то мысли и он не находил выхода. Ричер догадался, что Уайт – аналитик и после многих лет, проведенных в мире ненадежных данных, а также двойного, тройного и четверного блефа, имел полное право выглядеть слегка нервным.

Все трое молчали.

Через пять минут Ричер нарушил тишину.

– Есть ли какая-то история о том, что мы с вами не смогли поладить? Я имею в виду ФБР, ЦРУ и ВП. Я не слышал ни о каких серьезных разногласиях. А вы?

– Мне кажется, вы пришли к неверному выводу, – сказал Уотермен. – Речь не об истории, а о будущем. Они знают, что сейчас мы прекрасно ладим. И используют это. Вспомните, как называется первая часть курса. «Современные инновации в криминалистике и координация действий агентств». Инновации означают, что они намерены экономить деньги и в будущем нам всем придется еще больше сотрудничать друг с другом путем использования общего лабораторного пространства. Они собираются построить один громадный комплекс, в который всех нас засунут. По крайней мере, я так думаю. А мы здесь для того, чтобы нам объяснили, что мы должны делать для достижения их целей.

– Чушь собачья, – заявил Ричер, – я ничего не знаю про лаборатории и расписания. Я вообще не имею к таким вещам ни малейшего отношения.

– Я тоже, – сказал Уотермен. – Если честно, это мое слабое место.

– Тут все гораздо хуже, чем чушь собачья, – вмешался Уайт. – Это колоссальная трата времени. В мире происходит гораздо больше вещей, имеющих огромную важность.

Он снова задергался, принялся ерзать на стуле и заламывать руки.

– Они заставили вас бросить какое-то незаконченное дело, чтобы отправить сюда? – спросил его Ричер.

– В общем, нет. Я ждал перевода после того, как успешно завершил одно дело. Я считал, что это награда.

– Ну, взгляните на происходящее оптимистично. Вы сможете отдохнуть и расслабиться. Поиграть в гольф. Вам нет необходимости чему-то учиться, вы и без того знаете, как все работает. К тому же ЦРУ плевать на лаборатории, вы же ими не пользуетесь.

– Я на три месяца опоздаю на работу, к которой должен приступить уже сейчас.

– Какую?

– Я не могу ответить на ваш вопрос.

– И кого назначили вместо вас?

– Этого я тоже не могу сказать.

– Хороший аналитик?

– Не слишком. Он может пропустить важные вещи, возможно, принципиально важные. Тут нельзя предсказать, как все обернется.

– Что нельзя предсказать?

– Не могу ответить на ваш вопрос.

– Но это важно, верно?

– Гораздо важнее того, что здесь.

– Какое дело вы только что закрыли?

– Не могу ответить на ваш вопрос.

– Это были исключительные и выдающиеся достижения на службе США в ответственной должности?

– Что?

– Или вроде того?

– Да, можно сказать и так.

– Но школа – ваша награда.

– И моя, – сказал Уотермен. – Мы в одной лодке. Могу подписаться под каждым словом, которое он только что произнес. Я ожидал повышения, а вовсе не этого.

– Повышения за что? Или после чего?

– Мы закрыли крупное дело.

– Какого рода?

– По сути, это была охота, которая продолжалась много лет, и след давно остыл. Но мы добились успеха.

– И оказали услугу стране?

– Вы о чем?

– Я сравниваю вас двоих и не вижу между вами особых различий. Вы очень хорошие агенты, имеете достаточно высокие чины, вас считают лояльными, заслуживающими доверия и надежными, поэтому поручают важные задания. Но, добившись успеха, вы получаете довольно необычную награду. Это может означать две вещи.

– А именно? – спросил Уайт.

– Возможно, то, что вы сделали, кое-кто в определенных кругах считает... скажем, щекотливым. Может быть, сейчас возникла нужда все отрицать и вас нужно спрятать. С глаз долой, из сердца вон.

Уайт покачал головой.

– Нет, все были довольны. И будут на протяжении следующих лет. В обстановке полной секретности мне вручили награду. И я получил личное письмо от государственного секретаря. В любом случае там нечего отрицать, потому что операция проводилась тайно и никто ничего о ней не знал.

– В вашей охоте было что-нибудь компрометирующее?

Уотермен покачал головой и спросил:

– А второй вариант?

– Это не школа.

– И что же тогда?

– Место, куда отправляют агентов, только что успешно завершивших какое-то задание.

Уотермен погрузился в мгновение, обдумывая новую мысль.

– Вы такой же, как мы? Не вижу причин, чтобы было иначе. Если два агента, оказавшиеся здесь, находятся в одинаковом положении, то и третий тоже.

– Я такой же, как вы, – кивнув, подтвердил Ричер. – Только что успешно завершил очень крупное дело. Это точно. Получил сегодня утром медаль на ленточке, которую повесили мне на шею за прекрасно выполненное задание. Все чисто, не подкопаешься. Никаких деликатных ситуаций, и нечего стыдиться.

– И какое это было задание?

– Не сомневаюсь, что информация о нем строго засекречена, но из надежного источника мне стало известно, что некто ворвался в дом и убил хозяина, выстрелив ему в голову.

– Где?

– Одна пуля в лоб, другая за ухом, очень надежный способ, никогда не подводит.

– Нет, где находится тот дом?

– Уверен, что это тоже секретные сведения, но, полагаю, за океаном. А еще надежный источник сообщил мне, что в имени убитого содержалось много согласных и совсем мало гласных. Следующей ночью тот же некто проделал то

же самое в другом доме. И все по исключительно уважительной причине. Таким образом, он наверняка рассчитывал на более значительную награду. По крайней мере, в том, что касается следующего назначения. Возможно, даже право выбора.

– Точно, – сказал Уайт. – И уж я бы точно не выбрал это. Я отправился бы делать то, чем мне следовало заниматься прямо сейчас.

– Звучит так, будто это очень интересное и сложное дело.

– Очень.

– Что совершенно нормально. В качестве награды нам хочется получить такое дело, которое станет для нас вызовом, а не простой приказ. Мы желаем двигаться вперед и вверх.

– Именно.

– Возможно, так и произошло, – сказал Ричер. – Позвольте задать вам вопрос. Вспомните, как вы получили приказ отправиться сюда. Он был написан на бумаге или был объявлен при личной встрече с вашим начальством?

– При личной встрече. Тут иначе и быть не могло.

– В комнате присутствовал третий человек?

– На самом деле, да, – ответил Уайт. – Это было очень унижительно. Секретарь-референт пришла с какими-то бумагами, и он попросил ее остаться. Она просто стояла и молчала.

Ричер посмотрел на Уотермена, который сказал:

– То же самое. Мой начальник велел своему секретарю остаться в кабинете. Обычно он этого не делает. А как вы узнали?

– Потому что со мной было так же. Сержант. Свидетель. Человек, который станет рассказывать о том, что услышал. Такова их цель. Младший состав и служащие

постоянно делятся сплетнями. Таким образом, через пару секунд все знали, что мне не предстоит ничего особенно увлекательного. Я получил приказ прослушать какой-то бессмысленный курс с дурацким названием. Я тут же стал вчерашней новостью и больше не представлял интереса. Я вообще прекратил свое существование, исчезнув в бюрократическом тумане. Возможно, вы тоже. Может быть, у секретарей-референтов и секретарей начальников в ФБР имеются свои собственные разведывательные сети. А если так, то мы с вами сейчас превратились в трех самых невидимых людей на планете. Никто не задает про нас вопросов, мы ни у кого не вызываем любопытства, никто даже не помнит нас. На свете нет места скучнее того, где мы с вами в настоящий момент находимся.

– Вы хотите сказать, что трех никак не связанных между собой людей, но действующих оперативников полностью вывели из-под радаров. Зачем?

– Из-под радаров – неверное определение. Мы с вами находимся в классной комнате. И полностью невидимы.

– Почему? И почему именно мы трое? Какая тут связь?

– Я не знаю. Но уверен, что проект, которым нам предстоит заняться, исключительно непростой и потребует от нас серьезных усилий. Возможно, он из тех, что три действующих оперативника могут посчитать достойной наградой за службу стране.

– И что это за место такое?

– Понятия не имею, – ответил Ричер, – но я совершенно уверен, что не школа.

* * *

Ровно в пять часов с дороги свернули два черных фургона, проехали мимо доходившего до колена Ричера щита и припарковались за тремя «Шевроле», построив баррикаду и поймав их в ловушку. Из каждого выбрались двое мужчин в костюмах, явно представители секретной службы или судебные исполнители. Они быстро огляделись по сторонам, показали друг другу, что все чисто, и снова нырнули в фургоны, чтобы вывести наружу начальство.

Из второго фургона вышла женщина, держа в одной руке портфель, в другой – стопку бумаг. Она была в аккуратном черном платье, доходившем до колен, многофункциональном; оно отлично смотрелось с жемчугом днем в тихих кабинетах высшего руководства, а вечером, с бриллиантами, – на приемах и коктейльных вечеринках. Взглянув на нее, Ричер пришел к выводу, что она старше его лет на десять, иными словами, ей около сорока пяти, но выглядела она прекрасно: светлые волосы, простая прическа, которую она явно приводила в порядок с помощью пальцев. Женщина была выше среднего роста и стройной. И, вне всякого сомнения, умной.

Затем из первого фургона появился мужчина, которого Ричер мгновенно узнал, потому что его лицо появлялось в газетах раз в неделю, а на телевидении и того чаще. Интерес к нему вызывал не только его собственный бизнес, он часто мелькал на фотографиях и в новостных обзорах, посвященных встречам кабинета министров и неофициальным, хотя и жарким, дискуссиям в Овальном кабинете. Его звали Альфред Рэтклифф, и он являлся советником по национальной безопасности и главным помощником президента, когда дело доходило до вещей, грозивших неприятностями. Лучший специалист в подобных вопросах. Правая рука президента.

Ходили слухи, что ему почти семьдесят, хотя выглядел он гораздо моложе. Рэтклифф сумел пережить старый Государственный департамент, за свою карьеру познал благорасположение и немилость тех, кто занимал самое высокое положение, в зависимости от того, как менялись политические ветра, но продолжал удерживаться на плаву и в конце концов благодаря твердости характера получил самый лучший пост из всех возможных.

Женщина подошла к нему, и они вместе в окружении четырех «костюмов» направились к двери. Ричер услышал, как она открылась, затем шаги по жесткому ковру, и они вошли в классную комнату. Двое телохранителей остались снаружи, двое других целенаправленно зашагали к доске. Рэтклифф и женщина следовали за ними и, когда идти уже было некуда, повернулись лицом к классу, совсем как учителя перед началом урока.

Рэтклифф посмотрел на Уайта, потом на Уотермена и наконец на Ричера, сидевшего в самом конце комнаты.

– Это не школа, – сказал он.

Женщина грациозно наклонилась и положила портфель и стопку бумаг на пол, а Рэтклифф сделал шаг вперед и сказал:

– Вас троих отправили сюда под фальшивым предлогом. Нам не нужен лишний шум, поэтому мы посчитали необходимым слегка исказить правду. Мы хотим по возможности избежать ненужного внимания. По крайней мере вначале.

Он сделал драматическую паузу, как будто ждал вопросов, но все трое молчали. Никто даже не спросил: «В начале чего?» Они знали, что в ситуации, когда приказ поступает с самого верха, лучше выслушать того, кто его доставил.

– Кто из вас может простыми словами сказать, в чем заключается политика национальной безопасности, которую проводит в жизнь нынешняя администрация?

Все трое молчали.

– Почему вы не отвечаете? – спросил Рэтклифф.

Уотермен изучал нечто, находящееся примерно на расстоянии в тысячу ярдов от того места, где он сидел. Уайт пожал плечами, как будто хотел сказать, что сложность данного вопроса исключает использование простого языка; кроме того, само понятие простоты является делом абсолютно субъективным, а посему не вызывает сомнений, что для принятия определений, которые устроят всех, требуется предварительное и серьезное обсуждение.

– Это вопрос с подвохом, – сказал Ричер.

– Вы считаете, что нашу политику нельзя объяснить простыми словами?

– Я считаю, что ее нет.

– Значит, мы некомпетентны?

– Нет, просто мир меняется, и гибкость в данных обстоятельствах весьма полезна.

– Вы из военной полиции?

– Да, сэр.

Рэтклифф снова помолчал, а потом заговорил:

– Чуть больше трех лет назад в гараже под очень высоким зданием в Нью-Йорке взорвалась бомба. Страшная трагедия для тех, кто погиб или был ранен, но с глобальной точки зрения мелочь. Однако как раз в тот момент мир сошел с ума. Чем внимательнее мы смотрели на происходящее, тем меньше видели и понимали. Не вызывало сомнений, что у нас повсюду враги, но мы не знали наверняка, кто они, где находятся и почему стали нашими врагами. А еще – какая между ними связь и чего они добиваются. И уж совершенно точно не понимали, что они намерены сделать. В общем, нас окружала пустота, но, по крайней мере, нам хватило ума это признать.

Мы не стали тратить время на разработку мер по борьбе с вещами, о которых даже не слышали, поскольку считали, что это приведет к ложному чувству безопасности. Сейчас наши стандартные процедуры заключаются в том, что мы носимся так, будто нам поджаривают пятки, и пытаемся справиться с десятью делами одновременно, когда они всплывают на поверхность. Мы гоняемся за всем на свете, потому что должны.

Примерно через три года наступит новое тысячелетие, столицы всего мира будут праздновать это событие круглые сутки, и оно станет самой грандиозной пропагандистской мишенью в истории планеты Земля. Мы хотим заранее знать имена всех участников и не намерены игнорировать даже кажущиеся мелочи.

Все трое продолжали молчать.

– В общем-то, мне нет необходимости перед вами оправдываться, – продолжал Рэтклифф, – но вы должны познакомиться с теорией. Мы не выдвигаем предположений и переворачиваем все камни.

Никто не задал ему ни одного вопроса. Даже: «А у вас приготовлен для нас какой-то определенный камень?» Всегда лучше помалкивать и ждать, когда к тебе обратятся напрямую.

Рэтклифф повернулся к женщине.

– Доктор Мэриан Синклер – мой старший помощник. Она закончит брифинг. Я готов подписаться под каждым словом, которое она произнесет, и, следовательно, сам президент тоже. Под каждым словом. Это может оказаться пустой тратой времени и никуда нас не приведет, но до тех пор, пока мы не будем знать наверняка, данное дело обладает такой же значимостью, что и остальные. И для его решения следует приложить максимальные усилия. Вы получите все, что вам потребуется.

И в сопровождении двух телохранителей Рэтклифф помчался к двери. Ричер слышал, как они вышли из вестибюля, заработал двигатель фургона и они уехали. Доктор Мэриан Синклер повернула стол в первом ряду так, что он теперь стоял лицом к классу, села – сильные руки, темные колготки, отличные туфли, – скрестила ноги и сказала:

– Подойдите сюда.

Ричер перебрался на третий ряд и втиснулся за парту, оказавшись в одной из точек аккуратного и внимательного полукруга с Уотерменом и Уайтом. У Синклер было открытое, честное лицо, но на нем читались беспокойство и напряжение. Не вызывало сомнений, что где-то происходило нечто очень серьезное. Возможно, Гарбер намекнул об этом в своем разговоре с ним. Голос у тебя не слишком счастливый. А тебе следовало бы радоваться. Может, еще не все потеряно. Ричер не сомневался, что Уайт пришел к такому же выводу. Он подался вперед, не сводя глаз с Синклер. Уотермен не шевелился. Экономил силы.

– В Гамбурге, в Германии, есть квартира. Модный район, почти в центре, очень дорогой, разве что квартира имеет некоторый налет временности и

корпоративности. В прошлом году ее сняли четыре молодых человека примерно лет двадцати. Не немцы. Трое – саудовцы, четвертый – иранец. Все четверо ведут вполне светский образ жизни. Они всегда гладко выбриты, с аккуратными короткими стрижками, хорошо одеты. Предпочитают футболки поло в пастельных тонах с крокодильчиком на груди. Дополняют картину золотые часы «Ролекс» и итальянская обувь. Они ездят на «БМВ» и ходят в ночные клубы. Но нигде не работают.

Ричер заметил, как Уайт кивнул каким-то своим мыслям, Уотермен никак не отреагировал на информацию.

– Соседи считают четверых парней мелкими плейбоями, – продолжала Синклер. – Возможно, дальними родственниками богатых и занимающих высокое положение семей, которые приехали сюда хорошенько развлечься, прежде чем занять положенные им места в Министерстве нефтяной промышленности. Иными словами, обычные прожигатели жизни, сорящие деньгами в Европе. Однако мы знаем, что это не так. Нам известно, что их завербовали в тех странах, откуда они родом, и отправили в Германию через Йемен и Афганистан. Новая организация, о которой мы почти ничего не знаем. Только то, что у них солидные средства, они придерживаются жестких законов джихада, у них полувоенные методы подготовки и им все равно, какой национальности их члены. То, что саудовцы и иранцы работают вместе, очень необычно, но это факт. Они прекрасно показали себя в тренировочных лагерях, и год назад их отправили в Гамбург с заданием устроиться на Западе, жить тихо и ждать дальнейших инструкций. Пока они их не получали. Иными словами, «спящие» агенты.

Уотермен пошевелился на своем стуле и спросил:

– Откуда нам все это известно?

– Иранец – наш человек, – ответила Синклер. – Он двойной агент. ЦРУ работает с ним через консульство в Гамбурге.

– Храбрый мальчишка.

Мэриан кивнула.

– Храбрых мальчишек очень трудно найти. Это одна из перемен, произошедших в нашем мире. Раньше желающие стать агентами приходили прямо в посольство, писали письма, умоляли взять их на службу, и некоторым мы даже отказывали. Впрочем, это были старые коммунисты; теперь же нам нужны молодые арабы, но мы почти никого не знаем.

– А зачем вам нужны мы? – спросил Уотермен. – Ситуация представляется стабильной. Они сидят на месте и никуда не собираются. Более того, через минуту после того, как они что-то предпримут, вы об этом узнаете. Если, конечно, консульство держит их под наблюдением круглосуточно.

Лучше услышать, что ждет тебя, от начала и до конца.

– Ситуация действительно стабильная, – ответила Синклер. – Ничего не происходит. Но несколько дней назад кое-что изменилось. В общем-то, мелочь – к ним пришел гость.

* * *

Синклер предложила им перейти из классной комнаты в кабинет, и они не стали спорить. Она сказала, что за учебными столами неудобно, и была права. Особенно страдал Ричер, который скорее нацепил на себя парту, чем сидел за ней, поскольку его рост составлял шесть футов пять дюймов, а весил он двести пятьдесят фунтов. В отличие от классной комнаты, в кабинете стоял стол для совещаний и четыре удобных кресла из кожи, что явилось повышением уровня комфортности и отвечало ожиданиям Синклер. Впрочем, ничего удивительного, ведь она сама сняла помещение, возможно, вчера, либо попросила своего заместителя сделать это от ее имени. Три спальни и четыре кресла для инструктажа.

Телохранители в костюмах остались снаружи, и Синклер продолжила:

– Мы попросили нашего агента рассказать все в мельчайших подробностях, и мне кажется, мы можем доверять выводам, которые он сделал. Посетитель был саудовцем, примерно их ровесник. Одет так же, как они. Аккуратная прическа, золотая цепочка на шее, крокодильчик на футболке. Они его не ждали и невероятно удивились, когда он появился. Но в их организации действуют

правила, похожие на законы мафии, когда агентов могут в любой момент призвать для выполнения задания. И посетитель им про это напомнил. Оказалось, что он курьер и не имеет к ним никакого отношения. Совсем другая история. Просто он находился в Германии по делам, и ему требовался надежный дом, чтобы переночевать. Вариант, который предпочитают курьеры, поскольку в отелях остается след. Они там настоящие параноики, поскольку новые сети раскинуты очень широко, что теоретически усложняет безопасную связь между агентами. Они думают, что мы слышим их разговоры по мобильным телефонам – скорее всего, так и есть, – а также можем читать электронную почту – и я уверена, что очень скоро мы будем это делать. И они знают, что мы вскрываем их обычную почту. Поэтому пользуются услугами курьеров, которые передают сообщения и на самом деле являются чем-то вроде почтовой службы. Они не носят с собой кейсы, пристегнутые к запястьям, а перевозят вопросы и ответы у себя в головах. Они переезжают с места на место, с континента на континент – вопрос, ответ, вопрос, ответ. Очень медленно, но совершенно безопасно. Нигде не остается электронных следов и ничего такого, на что можно обратить внимание, – обычный человек с золотой цепью на шее проходит через аэропорт, как миллионы таких же, как он, пассажиров.

– А нам известно, был ли Гамбург конечным пунктом назначения? – спросил Уайт. – Или курьер сделал остановку на пути в другое место?

– Его отправили в Гамбург, – ответила Синклер.

– Но не к тем парням.

– Нет, к кому-то другому.

– Мы знаем, кто его послал? Те же люди из Йемена и Афганистана?

– Мы почти уверены, что те же. На это указывает еще одно обстоятельство.

– Какое? – спросил Уотермен.

– По статистически неудивительному совпадению курьер знал одного из саудовцев, живущих в том доме. Они провели в Йемене три месяца, лазали по веревкам и стреляли из «АК-47». Мир тесен. Между ними состоялось несколько коротких разговоров, и нашему иранцу удалось кое-что подслушать.

– Что именно?

– Через два дня у курьера должна была состояться встреча. Он не сказал где, или наш человек просто не услышал, но по контексту разговора понял, что где-то неподалеку от явочной квартиры. Он не должен ничего передавать. Он здесь, чтобы ему что-то сказали, он запомнил это и доставил по назначению.

– Звучит как начало переговоров и первоначальная ставка.

– Мы полагаем, что курьер вернется, – кивнув, сказала Синклер. – По крайней мере один раз, с положительным или отрицательным ответом.

– Мы имеем хоть какое-то представление, о чем идет речь?

Синклер покачала головой.

– Но наш иранец уверен, что дело очень серьезное, потому что курьер является солдатом из элитного подразделения, как и он сам. Видимо, он прекрасно зарекомендовал себя в учебном лагере, иначе не получил бы свои футболки, итальянские ботинки и четыре паспорта. В общем, он не из числа тех, кого использует мелкая рыбешка с обеих концов цепи. Он – курьер, работающий на высокое начальство.

– Встреча состоялась?

– Поздно вечером на следующий день. Курьер отсутствовал пятьдесят минут.

– И что потом?

– Рано утром он уехал.

– И больше никаких разговоров?

– Состоялся еще один. И для нас все сложилось очень удачно. Он проболтался, сообщил своему другу информацию, которую должен доставить домой. Не смог удержаться. Мы думаем, причина в том, что она произвела на него сильное

впечатление. Иранец сказал, что он был невероятно возбужден. Это же молодые люди, которым еще нет тридцати.

– И что за информация?

– Первоначальное заявление. Начало переговоров. Тут иранец оказался прав. Коротко и по делу.

– И что было сказано?

– «Американец хочет получить сто миллионов долларов».

Глава

03

Синклер выпрямилась и придвинулась к столу, как будто хотела подчеркнуть свои слова.

– Иранец очень умен, у него прекрасная речь, и он великолепно чувствует мельчайшие нюансы языка. Глава отдела множество раз прошелся с ним по разговору, который ему удалось подслушать, и мы совершенно уверены, что речь шла о декларативном заявлении. Встреча курьера с американцем продолжалась пятьдесят минут, они беседовали один на один. Это был мужчина, потому что, как говорит иранец – и он абсолютно уверен в своих выводах, – не прозвучало никаких намеков или указаний на то, что в деле замешана женщина. Американец сказал курьеру, что он хочет получить сто миллионов долларов. В качестве платы за что-то, так понял из контекста наш агент. Но больше у нас ничего нет. Мы не знаем имени американца, что он собирается продать и кому.

– Но сумма в сто миллионов долларов должна сузить поле поиска, – сказал Уайт. – Даже если это начальная цена и она снизится до пятидесяти, сумма немаленькая. У кого есть такие деньги? Вы скажете, что много у кого, однако их всех можно найти в одном «Ролодексе» [1 - Адресная книга фирмы «Ролодекс». – Здесь и далее прим. пер.].

– Вы заходите не с того конца, – вмешался Ричер. – Вне всякого сомнения, гораздо правильнее заняться поисками продавца, а не покупателя. За что парни, которые учатся в Йемене лазать по веревкам, готовы заплатить сто миллионов долларов? И у кого из американцев, находящихся в Гамбурге, есть такой товар?

– Сто миллионов – огромные деньги, – сказал Уотермен. – Лично меня насторожила бы такая сумма.

Синклер кивнула.

– Такая огромная сумма вызвала у нас огромное беспокойство. Она означает, что речь идет об очень серьезных вещах. Более того, до сих пор мы ни о чем подобном не слышали, поэтому подключили все каналы, имеющиеся в нашем распоряжении, поставили в известность всех агентов по всему миру. В операции задействованы сотни людей, но этого мало. Ваша задача – найти американца. Если он все еще за границей, на него распространяется юрисдикция ЦРУ, и тогда руководить поисками будет мистер Уайт. Если же вернулся в Штаты, их возглавит специальный агент ФБР мистер Уотермен. А поскольку статистические данные говорят о том, что огромное большинство американцев, в то или иное время побывавших в Германии, являются представителями Армии США, мы подумали, что, возможно, майор Ричер может оказаться полезным одному из вас или обоим.

Ричер посмотрел на Уотермена, потом на Уайта и увидел в их глазах вопросы, которые, вне всякого сомнения, они видели в его.

– То, что потребуется вам для операции, придет утром, – продолжала Синклер. – Вы получите все, что посчитаете необходимым, в любое время. Но обращаться имеете право только ко мне, мистеру Рэтклиффу или президенту. Ваша группа строго засекречена, считайте это чем-то вроде карантина. Даже если речь пойдет всего лишь о коробке карандашей, ваш запрос должен быть направлен мне, мистеру Рэтклиффу или президенту. На самом деле, это по большей части буду я. Все необходимые бумаги будут оформлены в Западном крыле [2 - Имеется в виду Западное крыло Белого дома, где располагается рабочая часть резиденции президента США, в т. ч. Овальная комната]. Ваши имена не должны засветиться. Американец, которого мы ищем, вполне может оказаться представителем Государственного департамента, Министерства юстиции или Пентагона. Существует опасность, что вы по ошибке заговорите не

с тем человеком. Поэтому вы не должны ни с кем разговаривать. Таково правило номер два.

– А правило номер один? – спросил Уотермен.

– Ни в коем случае не сдавать иранца. Вы должны сделать все, чтобы вас невозможно было с ним связать. Мы очень много в него вложили, и он нам необходим, потому что мы не знаем, чего ждать.

Мэриан отодвинула стул, встала и направилась к двери. Открыв ее, она сказала:

– И помните: нам поджаривают пятки.

* * *

Ричер откинулся на спинку кожаного кресла, и Уайт, взглянув на него, сказал:

– Наверняка речь о самолетах и танках.

– Наши ближайшие танки находятся в тысячах миль от Йемена или Афганистана, и чтобы их перебросить в другое место, нужно много недель и несколько тысяч человек. Гораздо проще доставить Йемен или Афганистан к ним. Это будет быстрее и менее заметно.

– Тогда самолеты.

– Думаю, сто миллионов могли бы соблазнить парочку пилотов и они перешли бы на сторону зла. Может, трое или четверо. Но я сомневаюсь, что в Афганистане есть достаточно длинные взлетные полосы. Впрочем, возможно, у Йемена они имеются. Так что теоретически такое возможно. Только вот самолеты этим ребятишкам не нужны. Им понадобятся сотни тонн запасных частей и столько же инженеров и ремонтных рабочих. И еще много часов, чтобы обучить своих людей. Но в любом случае мы обнаружим их через пять минут и уничтожим ракетами прямо на земле еще до того, как они поднимутся в воздух. Кстати, может быть, теперь мы сумеем сделать это удаленно.

– В таком случае какое-то другое военное снаряжение?

– Например? Миллион винтовок по сто баксов за каждую? У нас столько нет.

– Это может быть какой-то секрет, кодовое слово, пароль, или формула, или карта, либо план, или чертеж, или список. Возможно, копия компьютерной программы безопасности мировой финансовой системы. Коммерческая тайна. Или общая сумма взяток, необходимых, чтобы провести закон во всех пятидесяти штатах, – сказал Уотермен.

– Вы думаете, это какие-то данные? – спросил Уайт.

– Что еще можно продать и купить тайно и за такие деньги? Возможно, бриллианты, но они в Антверпене, а не в Гамбурге. Может быть, наркотики, однако ни у одного американца нет дури на сто миллионов долларов, готовой к отправке заказчику. Такими вещами занимаются в Южной и Центральной Америке. К тому же в Афганистане выращивают собственный мак.

– Какой сценарий может быть самым для нас плохим?

– Не моя компетенция. Спросите Рэтклиффа. Или президента.

– Меня интересует ваше мнение.

– А вы что думаете по этому поводу?

– Я – специалист по Ближнему Востоку. Для меня все, что с ним связано, – самый худший сценарий.

– Оспа, – сказал Уотермен. – Я считаю, что хуже эпидемии оспы ничего нет. Или что-то в таком же роде. Чума. Биологическое оружие. Эбола. Или антидот. Может, вакцина. В таком случае у них есть вирус.

Ричер смотрел в потолок.

То, что может плохо закончиться.

Голос у тебя не слишком счастливый. А тебе следовало бы радоваться.

Столько, сколько потребуется.

Гарбер говорил с ним так, будто вдруг превратился в кроссворд.

– А вы о чем думаете? – взглянув на него, спросил Уайт.

– О противоречиях между правилами и всем остальным. Мы не должны подставлять иранца. Значит, даже близко не сможем подойти к курьеру. И устроить засаду в том месте, в которое он нас приведет, потому что «не знаем» о существовании курьера. Если только нам про него не сообщил агент, работающий под прикрытием.

– Это препятствие, а не противоречие, – поправил его Уотермен, – и мы найдем способ его обойти. Им действительно нужен этот парень.

– Вопрос эффективности. Им требуется узнать, кто участвует в сделке, до того, как она состоится. Они хотят раскрыть сети и создать базы данных. В таком случае им следует сосредоточить все свое внимание на курьерах. Устные вопросы и ответы у них в головах, они доставляют их по всему свету, с континента на континент – вопрос, ответ, вопрос, ответ. Они всё знают. Они что-то вроде видеопленки. И стоят гораздо больше ста агентов под прикрытием, потому что им известна вся картина. Что есть у иранца? Ничего, кроме четырех стен в Гамбурге и полного безделья.

– Им нельзя пожертвовать.

– Они могут вытащить его в тот момент, как возьмут курьера, и подарить ему дом во Флориде.

– Курьер не станет говорить, – сказал Уайт. – Это племенной закон, которому тысяча лет. Они не сдают друг друга. По крайней мере не сдавали после того немногого, что нам позволили с ними сделать. Так что вполне разумно держать своего человека внутри. Они действительно не знают, что происходит, и намек, пусть даже самый небольшой, до того, как что-то случится, будет весьма полезен. Даже крошечная часть намека.

– Вам известно, чего ждать?

– Чего-то ужасного. Такого, чего еще не было раньше.

– Вы уже работали с Рэтклиффом или Синклер?

– Никогда. А вы?

– Они выбрали нас не потому, что знают, – заговорил Уотермен. – Дело в том, что мы не были в Гамбурге в означенный момент, мы находились в других местах. Значит, не можем оказаться людьми, с которыми будет ошибкой обсуждать это дело.

Синклер сказала, что их группа строго засекречена, как на карантине, и ощущение было именно таким. Трое мужчин заперты в комнате, отгорожены от всего остального мира, потому что они заражены – и их болезнь называется алиби.

* * *

В семь часов Ричер забрал вещи из машины и отнес их в свою комнату, последнюю в ряду из трех в коридоре, который походил на офисный и, наверное, был им всего лишь день назад. Комната оказалась просторной, но она явно предназначалась для письменного стола, а не кровати, хотя и с ней выглядела вполне нормально. В ней даже имелась ванная комната.

Чтобы поесть, Ричеру пришлось завести двигатель «Шевроле», и он некоторое время ездил по Маклину, интуитивно сворачивая на улицы, которые могли случайным образом привести его на окраины, где обычно находились именно такие заведения, какие он искал. Из числа тех, что не пользуются особой популярностью. Помог его метаболизм. И через некоторое время впереди, рядом со съездом с автострады, он увидел сияние неоновых огней и алюминия – и обнаружил кафе, старое, немного потрепанное и явно простоявшее тут не один год, так что оно вполне могло оказаться подлинным, появившимся на свет давным-давно.

Джек припарковался у входа, открыл тяжелую металлическую дверь и вошел. Воздух внутри был холодным и ослепительно-ярким от горевших там флуоресцентных ламп. Первым человеком, которого Ричер увидел, оказалась хорошо знакомая ему женщина, сидевшая в кабинке в полном одиночестве. Из его предпоследнего отряда. Лучший солдат из всех, кого он встречал. И его близкий друг, если разрешение оставлять кое-какие вещи несказанными является дружбой.

Сначала он решил, что это самая обычная случайность, и не удивился. Мир тесен, а рядом с Пентагоном становится еще теснее. Потом немного подумал. Она была его старшим сержантом во времена процветания 110-го подразделения военной полиции и играла в том, что тогда происходило, огромную роль. Значительнее некоторых, точнее, большинства. Возможно, даже его собственной.

Она была исключительно умна.

Слишком умна, чтобы встреча с ней в такой момент оказалась случайностью.

Ричер подошел к столику, но она даже не пошевелилась. Она наблюдала за его отражением в перевернутой ложке. Ричер сел напротив и сказал:

– Привет, Нигли.

Глава

04

Сержант Фрэнсис Нигли подняла голову от ложки и сказала:

– Из всех кафе во всех городах. Каковы шансы?

– Уверен, что они тщательно просчитаны, – ответил Ричер.

– Я подумала, что вы, скорее всего, поедете на запад, поскольку подсознательно захотите оставить округ Колумбия за спиной, потом прикинула, где и на какие улицы будете сворачивать. Получилось, что это практически единственное очевидное место. И время. Два часа на инструктаж, потом перерыв на обед.

– Это школа.

– Ничего подобного. Название курса звучит совершенно бессмысленно.

– Они всегда звучат бессмысленно.

– Но это совсем дурацкое.

– Школа.

– Они бы никогда с вами так не поступили. По крайней мере, пока Гарбер жив и дышит.

– Я не могу это обсуждать, тема слишком скучная.

– Позвольте мне сделать предположение. Это прикрытие. Учитывая ваш послужной список, для чего-то очень серьезного. Значит, вы получите все, что попросите. Особенно людей. Таким образом, вы все равно позвонили бы мне утром. Так почему бы не рассказать на двенадцать часов раньше?

Она была в камуфляжной форме с аккуратно закатанными рукавами. И сидела положив руки на стол. Темные волосы, короткая стрижка, карие глаза и загар. Ее кожа казалась мягкой, но Ричер знал, что это не так, – видел Нигли в деле. Она была быстрой и невероятно сильной. И наверняка жесткой под этой мягкой кожей, но точно он не знал. Он ни разу к ней не прикоснулся. Даже руку не пожимал.

– Я не знаю точно, что нам понадобится, – сказал Ричер. – Полагаю, начнется все с составления списков. Из приказов по движению персонала. Военных, находившихся в Германии в определенный день. А также гражданских лиц из данных паспортной службы.

– Почему?

– Нам нужно найти одного американца, который был в Гамбурге в определенный день в течение пятидесяти минут.

– Зачем?

– Он собирается что-то продать за сто миллионов долларов банде новоиспеченных плохих парней из Йемена и Афганистана.

– А мы знаем, что именно?

– Ни малейшего представления.

– Наземные границы могут оказаться серьезной проблемой. Насколько мне известно, через них можно просто проехать. Законы Европейского союза. Поэтому данные паспортных служб будут неполными.

– Совершенно верно. Мы получим лишь определенный процент, но не всё. Однако можем немного облегчить себе жизнь и посмотреть, кто въезжал и выезжал из Швейцарии, скажем, за неделю до указанной даты. В тот момент, когда американец принял окончательное решение о том, что он станет продавать свой товар, и собрался открыть торги. Он знал, что они не будут продолжаться до бесконечности, поэтому хотел заранее подготовиться. Он открыл в швейцарском банке секретный счет, готовый принять деньги. Вероятно, в Цюрихе. Затем вернулся в Гамбург и назвал цену.

– Но это тоже всего лишь определенный процент, а следовательно, не является неоспоримым доказательством. Счет может быть старым, открытым несколько лет назад. А наш плохой парень проворачивает подобную сделку не в первый раз. Или его секретный счет находится в каком-нибудь другом месте. Например, в Люксембурге.

– Именно по этой причине я и сказал, что мы не знаем, что точно нам потребуется.

– Вы думаете, он военный?

– Возможно. Все говорит за это. Как американцы в Корее или на Окинаве. Так что нам нужно составить еще один список, на всякий случай. Что может продавать парень, который служит в армии? Разведывательные данные? Или оборудование? Тогда потребуется грузовой контейнер, или большой фургон, или маленький грузовик, что-то, не привлекающее внимание. Следовательно, необходим список того, что может поместиться внутрь и стоить сто миллионов баксов.

– Это должно быть что-то надежное и легкое в управлении. Он не может рассчитывать на группу поддержки.

– Хорошо, прими это к сведению. Потом сделай общий список всех списков. В данный момент мы больше ничего не можем. Будь готова к девяти утра. Не думаю, что они справятся раньше. После этого все будет проходить через Совет национальной безопасности и женщину по имени Мэриан Синклер.

– Я о ней слышала, – сказала Нигли. – Она главный заместитель Альфреда Рэтклиффа.

– Подготовь перечень всего, что нам от нее потребуется. Мы не можем терять время.

– Проблема серьезная?

– Думаю, может оказаться серьезной. Если это то, о чем мы думаем. Впрочем, вполне возможно, что и нет. Речь идет об одном предложении, выхваченном из контекста. Вполне может оказаться внутренней шуткой. Или неизвестным нам сленговым выражением йеменцев, которые тренируются лазать по веревкам, означаям смехотворно маленькую сумму. Но, если все по-настоящему, тогда такие большие деньги означают проблему.

К их столику подошла официантка, и они сделали заказ.

– Поздравляю с наградой, – сказала Нигли.

– Спасибо, – ответил Ричер.

– Вы в порядке?

– Просто отлично.

– Уверены?

– А ты что, моя мамочка?

– Как вам показалась Синклер?

– Она мне понравилась.

– Кто еще у нас есть?

– Некто Уотермен из ФБР. Старая школа. И еще Уайт из ЦРУ. Очень нервный и напряженный, но, возможно, у него есть на это причина. До сих пор они вели себя вполне адекватно – в нескольких аспектах – и говорили разумные вещи. Я уверен, что они вызовут своих людей. И наверняка над всеми нами поставят какого-нибудь советника из Национальной безопасности, который будет с нами нянчиться и передавать наши сообщения и доклады Синклер.

– Почему она вам понравилась?

– Она вела себя честно. Кстати, Рэтклифф тоже. Оба они мечутся и не знают, что делать, потому что им поджаривают пятки.

– Вам следует связаться с вашим братом. Он ведь работает в Министерстве финансов и может отследить переводы. Сотня миллионов долларов обязательно засветится на правительственном уровне.

– Мне придется рассказать Синклер.

– Неужели вы собираетесь придерживаться правил?

– Она думает, что американцем, который нас интересуется, может быть кто угодно, и не хочет, чтобы мы налетели не на того человека. Но она кое-что

упускает. Это не кто угодно, а любой человек. Более или менее. Сеть придется раскинуть очень широко. И, вне всякого сомнения, тот, кто нам нужен, окажется одним из многих. Мы станем ловить людей, входящих и выходящих с тайных встреч, въезжающих и выезжающих из Швейцарии с чемоданами, полными налички. Причем все они так или иначе будут иметь отношение к нелегальным операциям – продавать, покупать или что-то обменивать. У нас появится много врагов, как гражданских, так и военных. Но мы не можем себе позволить поднимать шум. По крайней мере, пока. Соблюдение секретности поможет отсрочить этот момент. Так что сейчас, я думаю, нам следует придерживаться правил Синклер. Мы пересмотрим наше отношение к данному вопросу, когда возникнет необходимость.

– Понятно, – сказала Нигли.

Официантка принесла их заказ, и они начали есть. Восемь часов вечера, Маклин, штат Вирджиния.

* * *

Когда в Маклине, штат Вирджиния, было восемь вечера, в Гамбурге, Германия, часы показывали два часа утра следующего дня. Несмотря на позднее время, американец не спал. Он лежал на спине и смотрел в потолок, который никогда не видел прежде, а на его согнутой руке устроилась голая проститутка. Это была ее квартира, чистая, аккуратная, с приятным запахом и едва уловимым чувством гордости за себя. Совсем не дешевая, как, впрочем, и сама она. Но подобные мелочи его не беспокоили, ведь очень скоро он станет невероятно богатым человеком, поэтому вполне может устроить себе небольшой праздник.

Он любил дорогих женщин, они приводили его в невероятное возбуждение. Однако его вкусы не отличались изысканностью – главное, чтобы партнерша демонстрировала энтузиазм. И эта прекрасно справилась со своей задачей. А еще они разговаривали, обычные постельные вопросы и ответы. Потом обнимались. Он ее заинтересовал, и она умела слушать.

Он слишком много ей сказал.

Он считал, что шлюхи гораздо лучшие психологи, чем те, что размахивают дипломами, и могут легко отличить хвастовство от бахвальства, а маниакальные мечты – от настоящего бреда. В результате оставалась совсем крошечная категория правды. Естественно, не из области признаний, а когда у человека произошло что-то хорошее и его распирает от желания поделиться своей радостью. И он поделился, на волне охватившего его возбуждения. Он великолепно себя чувствовал, словно парил в небесах, она стоила тех денег, что он заплатил, и он упомянул о своем плане купить ранчо в Аргентине, огромное, больше Род-Айленда, так он сказал.

Ничего особенного, но она запомнит. В Германии шлюхи не боятся копов. Это благополучное государство, и закон терпимости здесь действует до тех пор, пока соблюдаются правила. Поэтому, когда начнется охота, она с радостью отправится в полицию и расскажет про клиента-американца, который собирается купить в пампасах ранчо, размером превышающее Род-Айленд. Она скажет, что для нее это своего рода компенсация и они должны серьезно отнестись к ее словам, потому что в постели он был так себе. И тогда копы, будучи немцами, все запишут, затем позвонят знающим людям и выяснят, что ранчо в пампасах, размером больше Род-Айленда, стоит очень дорого. Простое изучение последних покупок недвижимости в одной-единственной стране мира приведет их прямо к его новенькой двери.

Глупо.

Но он сам виноват.

Он мысленно прошелся по комнате, восстанавливая все свои передвижения и вспоминая, к чему прикасался. Если не считать женщины, он почти ничего не трогал. Интересно, найдут ли на ее коже отпечатки его пальцев? Вряд ли. В любом случае они будут смазанными. Его ДНК осталась в ее теле, но там ее атаковали сильные кислоты и пищеварительные ферменты. Наука еще находится в зачаточном состоянии, в фазе экспериментов, и специалисты не возьмутся за это дело, чтобы не опозориться на публике.

Так что тут можно не волноваться.

Полное безумие.

И одновременно вполне логично. Заварил кашу, так не жалея масла. Все или ничего. Пути назад нет. До того, как он сделал первый шаг, ему было интересно, что он будет чувствовать. Теперь же появилось ощущение, будто он падает. Наверное, так бывает во время затяжного прыжка. Долгое, долгое свободное падение, прежде чем раскроется парашют. Падение, которому нет конца. И он ничего не мог изменить – лишь сделать глубокий вдох, расслабиться и отдаться новым переживаниям.

Никто не видел, как он вышел из отеля через подземный гараж. Он так поступил, чтобы срезать путь до другого бара, который знал. Она как раз подъехала, готовая начать работать. Поздний вечер. Дорогое заведение, серьезные охранники. Другой мир. Но больше не для него. Он может получить все, чего захочет, и говорить вслух о своих желаниях доставляло ему огромное удовольствие. Прямо в гараже. А вдруг он ошибся? Но оказалось, что нет. Он уже видел ее раньше. Она улыбнулась и назвала очень высокую цену. Он заплатил бы в десять раз больше просто за то, как она стояла. А еще он понял, что она совсем недавно приняла душ. Не девственница, но очень близко к тому, если не хотеть слишком многого.

Она села за руль, и они поехали в квартиру, из которой она совсем недавно вышла.

Есть ли в подземном гараже камеры?

Он решил, что нет. Он принадлежал к числу тех, кто имеет дело с деталями, был наблюдательным и все замечал. Ему приходилось, потому что это являлось частью его работы. На потолке гаража он видел жаропрочную пену, электрические провода, пятидюймовые трубы и противопожарную систему.

Но камер не было.

Все совершенно безопасно.

Полное безумие.

И одновременно вполне логично.

Он прокрутил в уме действия, а потом сделал все очень быстро. Сначала она решила, что это ролевая игра, как будто он собрался претворить в жизнь то, что видел в кино. Он швырнул ее на кровать лицом вниз, сел сверху, прижав ее локти коленями и согнувшись, точно жокей на лошади. Она застонала, как бывает с ними всегда. Потом он наклонился вперед и задушил ее сзади, быстро и эффективно, заставив замолчать. Она попыталась выбраться из-под него, но не могла даже пошевелиться; попробовала дотянуться пятками, но не сумела – они бесполезно дергались и бились о кровать, словно она плыла. Потом пятки замерли. Он еще сильнее сжал руки, пока не убедился, что все кончено, еще несколько мгновений не ослаблял хватки, затем убрал руки и, не теряя времени, убрался из квартиры.

Все или ничего.

Глава

05

Ричер прекрасно выспался в своей представительской спальне, но проснулся рано и вышел из комнаты около семи часов, когда приехал грузовик с завтраком – промышленного размера емкостями с кофе и подносом с булочками, огромными, как посадочный круг на палубе боевого корабля. Гораздо больше, чем в состоянии съесть три человека. Значит, скоро придут помощники.

Они появились в половине восьмого, два офицера среднего звена из Совета национальной безопасности, с которыми Синклер была лично знакома и которым доверяла. Так она сказала, когда позвонила, чтобы сообщить об их прибытии. Оба мужчины, лет тридцати, невероятно мрачные, как будто измученные своим знанием и тем, чем они занимались. К восьми часам они уже носились по всему зданию, устанавливая безопасные телефонные линии, и Ричер опередил Уотермена и Уайта, первым попросив прислать ему помощника.

К девяти часам Нигли была на месте и успела запросить через СНБ горы информации еще прежде, чем прибыл сотрудник Уотермена, а через двадцать минут после него – человек Уайта. Оба были мужчинами и выглядели как более молодая версия своих боссов. Помощника Уотермена звали Лэндри, Уайта –

Вандербильт, но он не имел никакого отношения к своему богатому однофамильцу.

Они переставили мебель и организовали в классной комнате объединенный центр управления, за работой которого следили Нигли, Лэндри и Вандербильт. Няньки из СНБ сидели в офисе, а Ричер, Уотермен и Уайт, устроившись в кожаных креслах за столом, отвечали на звонки. К одиннадцати часам жизнь уже была ключом, к двенадцати они получили кое-какие данные, и с ними по рации связалась Синклер, чтобы выслушать доклады.

– В тот день в Германии находилось около двухсот тысяч американских граждан, – сказал Ричер. – Около шестидесяти тысяч действующих военнослужащих, плюс почти в два раза больше членов их семей и тех, кто недавно вышел в отставку, но не успел вернуться домой. Еще около тысячи гражданских лиц, приехавших в отпуск, и примерно пять тысяч принимало участие в деловых конференциях и заседаниях советов директоров.

– Много.

– Нам необходимо лететь в Гамбург, – сказал Ричер.

– Когда?

– Немедленно.

– Почему?

– Когда-то нам все равно придется туда отправиться. Мы не можем решить нашу проблему на бумаге.

– Агент Уотермен, а вы что думаете? – спросила Синклер.

– Мое мнение зависит от скорости, с которой курьеры переезжают с места на место, – ответил Уотермен. – Мне представляется, что это довольно медленный процесс. Когда наш американец рассчитывает получить ответ? Каков стандартный промежуток времени, требующийся курьеру, чтобы доставить сообщение?

– Примерно две недели, возможно, чуть меньше.

– Не вызывает сомнений, что нам необходимо быть там, когда будет заключена сделка. Но мне представляется, что время у нас есть. Я полетел бы в Гамбург на следующей неделе. Я хочу получить аналитические данные по данной ситуации. Это может сэкономить нам силы в будущем.

– Мистер Уайт?

– Я полагаю, что мне нечего делать в Гамбурге. Какая от меня польза рядом с охотником за людьми и наемным убийцей? Моя епархия – это решение задач на бумаге. И я покидаю Восточное побережье только в случае крайней необходимости, – ответил Уайт.

– Майор Ричер, – обратилась к нему Синклер, – на каких основаниях вы хотите отправиться в Гамбург прямо сейчас?

– На основании слов мистера Рэтклиффа, который сказал, что мы сможем получить все, что потребуем, – ответил Джек.

– Мистер Уайт и агент Уотермен, вы возражаете против того, чтобы майор Ричер отправился в Гамбург один? – спросила Синклер.

– Нет, – сказал Уайт.

– Если он станет придерживаться принципа «не навреди», – заявил Уотермен.

* * *

Одним из преимуществ работы через Западное крыло Белого дома является мгновенный доступ к самолетам и отелям. Через тридцать минут Ричер и Нигли были зарегистрированы на беспосадочный ночной рейс «Люфтганзы» в Гамбург, где их ждали номера в отеле, расположенном неподалеку от интересовавшей их квартиры, в районе, о котором рассказала Синклер, практически в центре города и очень дорогом.

Они провели в Маклине остаток вечера и занимались тем, что по спискам персонала сверяли отчеты о передвижениях с именами. Человек не может управлять танком на восточной равнине и одновременно прогуливаться по Гамбургу. Количество полученных вариантов их удивило и создало ощущение, что они сдвинулись с мертвой точки. Потом стали поступать первые отчеты из Цюриха. Помощник Уайта Вандербильт понял их идею и вызвался поработать допоздна, чтобы сверить все данные, пока они будут лететь в Гамбург, и позвонить им, когда они приземлятся, если ему удастся обнаружить что-нибудь важное.

«Школа кооперации, – подумал Ричер. – Кто бы мог такое представить?»

* * *

Нигли села за руль «Шевроле» Ричера, они поехали в аэропорт и оставили машину на кратковременной стоянке, заплатив за нее правительственными деньгами. Ее версия гражданской одежды заключалась в зеркальных темных очках, потрепанном кожаном пиджаке, надетом поверх футболки, и брюках, взятых со склада старой формы морской пехоты, как и на Ричере – так он подумал, – но на самом деле они оказались настоящим творением Ральфа Лорена. А еще, в отличие от Ричера, у нее была сумка. Их посадили в отделении для экипажа, но по сравнению с холщовыми сиденьями в военных транспортных самолетах их места показались им по-настоящему роскошными. Они поели, откинулись на дюйм на спинки и уснули.

* * *

Через двадцать четыре часа после ухода американца в квартире проститутки пахло уже не так приятно, как прежде. Точнее, пахло там гораздо сильнее, но запах был неправильным. Он начал просачиваться в коридор и сквозь вентиляционное отверстие на кухне. Соседи, и без того возмущенные ее поведением, посреди ночи вызвали полицию. Диспетчер отправила патрульную машину взглянуть, что произошло. Точнее, понюхать. В результате копы разбудили управляющего, у которого имелись ключи от всех квартир. Далее последовало четыре часа работы следователей, вопросы, была натянута полицейская лента, появились криминалисты и, наконец, машина «Скорой помощи» и резиновый мешок.

Хорошая новость и плохая, с точки зрения копов. Гамбург, шумный портовый город, прославился на весь мир своим районом красных фонарей, наркотиками и граффити на станциях, однако убийства здесь совершались относительно редко, меньше раза в неделю. И появление трупа все еще являлось волнующим событием. Оно могло положительно повлиять на карьеру, поскольку полицейский департамент заявлял, что уровень раскрываемости у них равняется девяноста процентам. И это было хорошей новостью.

Плохая заключалась в том, что в оставшиеся десять входили либо зарезанные наркоманы, либо задушенные проститутки. Производственный риск. Так что вряд ли данному делу суждено было войти в учебники. Преступник уже наверняка находился в ста милях от города, на корабле, направлявшемся в открытое море.

* * *

В карманах Ричера и Нигли лежали деньги правительства, выданные им на оперативные нужды, поэтому они сели в аэропорту на такси «Мерседес» и поехали в город по автостраде, окутанной водянистым солнечным светом и заполненной машинами, спешившими доставить людей на работу. Улица, на которой стоял их отель, оказалась тихой и тенистой, с домами из стекла и бледного заграничного кирпича, с маленькими дорогами машинами, припаркованными у тротуаров. Им выдали ключи от номеров на четвертом этаже, не слишком высоко, но с видом на крыши.

Гамбург, старый ганзейский город с более чем тысячелетней историей за плечами, но ни одной из крыш, на которые смотрел Ричер, не было больше пятидесяти лет. Германия бомбила Британию, и та бомбила в ответ, причем весьма эффективно. В 1943-м они устроили налет, практически сровнявший Гамбург с землей, – пламя пожаров поднималось на тысячи футов, тысячеградусный жар пожирал город. Казалось, горел сам воздух. По дорогам разгуливало пламя, а вода в каналах и реках кипела. За один рейд погибли сорок тысяч человек. Британия потеряла шестьдесят тысяч за всю войну. Кто посеет ветер, пожнет бурю. Так сказал Осия, один из двенадцати мелких пророков, но в данном случае он оказался совершенно прав.

Ричеру позвонила Нигли и предложила встретиться, чтобы перекусить. Потом раздался еще один звонок. Это был Вандербильт, засидевшийся допоздна в

Маклине, штат Вирджиния. Он сообщил имена тридцати шести американцев, в означенную неделю отправившихся из Гамбурга в Цюрих. «Мы станем ловить самых разных людей» – так сказал Ричер.

Он спустился вниз, в ресторан, где был накрыт завтрак, оказавшийся очень европейским: копченое мясо и сыры, экзотические булочки. Ричер сел рядом с Нигли за столик у окна. В Гамбурге было девять часов утра.

* * *

Девять часов утра в Гамбурге, половина первого в Джелалабаде, в Афганистане. На кухне белого глиняного дома начали готовить ланч. Снаружи, в пустыне царила жара, совсем как в Аризоне. Курьер ждал, когда его позовут. Он прибыл ночью, сменив четыре коммерческих самолета и проделав триста миль по бездорожью в пикапе «Тойота». Его накормили завтраком и провели в прихожую. Он уже много раз дожидался в ней вызова прежде, расхаживая взад и вперед, взад и вперед. Такова его жизнь. В этом доме у него единственного не было бороды и «АК-47».

Наконец его провели в маленькую комнатку, где было невероятно жарко. В воздухе медленно кружили тучи мух. На подушках сидели двое мужчин, оба бородатые, один – невысокий и толстый, другой – высокий и худой. На обоих простые белые халаты и такие же тюрбаны.

– Американец хочет получить сто миллионов долларов, – доложил курьер.

Мужчины в халатах одновременно кивнули.

– Мы обсудим это сегодня вечером во время ужина, – сказал высокий. – Приходи за ответом рано утром.

* * *

Нигли взяла план Гамбурга у консьержа, открыла его и повернула так, чтобы на него падал свет из окна.

– Пятидесятиминутное отсутствие означает радиус в милю, согласны? – сказала она. – Двадцать минут в одну сторону, десять на разговор и двадцать на обратную дорогу. Какое место они могли выбрать для встречи?

– Бар, кафе или скамейку в парке, – предположил Ричер.

Они нашли на плане дом, в котором находилась интересовавшая их квартира, и Нигли, расставив большой и указательный пальцы, отметила радиус в милю. Получился круг, охватывавший несколько улиц по большей части с жилыми домами – так предположил Ричер, – хотя наверняка там имелись и коммерческие заведения. Он побывал в огромном количестве городов и знал, как все устроено. В этой части света и в этом районе стояли невысокие дома с квартирами, начиная со второго этажа, и не бросающимися в глаза магазинами и офисами на первом.

Непременно маленькие продуктовые лавочки, возможно, ювелирные магазины, химчистки и офисы страховых компаний. А еще булочные, кондитерские и кафе, рестораны и бары. И четыре крошечных, размером с носовой платок парка, где помещается не больше восьми скамеек и можно покормить голубей. Так обычно поступали шпионы в фильмах. В общем, все как обычно.

– Сегодня отличный день для прогулки, – сказала Нигли.

* * *

Радиус в одну милю покрывал территорию в три мили, что было больше двух тысяч акров. Они обнаружили в центре приблизительного круга тот самый жилой дом и прошли мимо, не глядя в его сторону. Останавливались случайным образом на углах и принимались, точно заправские туристы, изучать карту. В общем, вели себя так, чтобы не привлекать внимания.

Они постепенно отметали одну возможность за другой, включая первые пять улиц, на которых находились элитная кондитерская с двумя раскрашенными под позолоту столиками, три обычные кофейни и два бара.

– Они встретились ближе к вечеру, – заметил Ричер. – В кондитерские ходят по утрам. Думаю, они выбрали какой-то бар.

– Или парк.

– В каком месте американец будет чувствовать себя максимально уверенно? Мы исходим из того, что они встретились для переговоров. Значит, он хотел иметь психологическое преимущество и чувствовать себя как можно комфортнее, но чтобы при этом курьеру было не по себе.

– Мы считаем, что он белый?

– Все указывает именно на это.

– В таком случае нам нужен бар, популярный среди скинхедов.

– Здесь есть такой?

– Они не склонны выставлять плакаты перед подобными заведениями. Это, скорее, отношение.

Ричер взглянул на карту, пытаясь отыскать нужное место с широкими, пересекающимися улицами, с плотным движением и домами с низкой арендной платой, где есть боковые улочки, на которых удобно припарковать машину. Он нашел одно такое, причем по дороге туда они могли заглянуть в два парка.

– Сегодня отличный день для прогулки, – сказал Джек.

* * *

Парки с точки зрения зеленых насаждений оказались настоящим разочарованием. По большей части они были заасфальтированы, с яркими, точно губная помада, цветами в вазонах. Однако там имелись скамейки, по две в каждом, и они выглядели достаточно уединенными. Один человек мог сесть на одну, второй – на другую. Первый сказал все, что хотел, поднялся и ушел. И никто ни о чем не догадается. Обычный горожанин посидел на скамейке. Следом за ним другой. Один пришел, один ушел.

Парки были очень даже вероятным местом встречи.

Днем движение оказалось почти таким же плотным, как и ночью, разве что сейчас было немного больше шума и толкотни. Коммерческие заведения находились на боковых улицах, но недалеко от главных. И среди них – бар, перед которым стояли четыре парня с пивными бутылками в руках. Десять утра. У всех четверых были бритые головы с царапинами и шрамами, как будто они сделали это сами при помощи ножей и жутко собой гордились. Молодые, лет восемнадцати или двадцати, здоровые, как четыре огромные отбивные. Ричер решил, что они явно не местные. Тогда откуда? И что они здесь делают?

– Давайте выпьем по чашке кофе, – предложила Нигли.

– Здесь?

– Этим парням есть что нам рассказать.

– С чего ты взяла?

– Так мне кажется. Они на нас смотрят.

Ричер оглянулся и обнаружил, что парни действительно на него смотрят. В их глазах он увидел нечто первобытное, намек на угрозу и одновременно страх. И животную реакцию, как будто их тела дрожали от возбуждения и никак не могли решить, что им делать – сражаться или броситься бежать.

– И что у них не так? – спросил Джек.

– Давайте спросим, – ответила Нигли.

Ричер встал перед ней так, чтобы оказаться на прямой относительно двери в бар, и парни тут же сомкнули ряды.

– Вы американцы? – спросил тот, что стоял впереди остальных.

– С чего ты взял? – поинтересовался Джек.

– Мы не пускаем американцев в этот бар.

Позже Ричер признался себе, что, если б такое сказал его ровесник, он врезал бы ему без промедления и не раздумывая, еще прежде, чем стихнет последнее слово, поскольку зачем давать тому, кто лезет в драку, шанс устроить ее на своих условиях. Но сейчас перед ним стоял совсем мальчишка, и сострадание требовало предпринять хотя бы одну попытку его урезонить. Поэтому Ричер, очень медленно выговаривая слова, спросил:

– Ты говоришь по-английски?

– А я и сказал это по-английски.

– Видимо, у тебя в голове перепутались все слова, и получилась какая-то ерунда. Будто ты думаешь, что в Германии есть бары, в которые американцы не могут войти, когда им вздумается, и чувствовать себя там как дома. Неужели ты это имел в виду? Если хочешь, я научу тебя правильным словам.

– Германия для немцев.

– Не стану спорить, – сказал Ричер. – Однако я уже здесь, проходил мимо, хочу выпить кофе. А еще дать вам возможность отступить, сохранить лицо и задницы в целости и сохранности.

– Нас четверо.

– Интересно, сколько времени тебе понадобилось, чтобы сделать такие сложные вычисления? Правда, мне жутко любопытно.

Кто-то выглянул в окно бара, оценил происходящее и тут же исчез.

– Мы можем идти дальше, – вмешалась Нигли. – Это не тот бар. Наш парень не смог бы сюда войти.

– А как же кофе? – спросил Ричер.

– Скорее всего, он тут отвратительный.

– Ничего не отвратительный, – возмутился мальчишка. – Он здесь хороший.

– Ты только что помог мне принять решение, так что отойди-ка в сторону, – сказал Ричер.

Мальчишка даже не сдвинулся с места.

– Здесь мы говорим, что будет дальше, а не ты. Американской оккупации конец. Германия для немцев.

– Такое впечатление, что ты предлагаешь мне разрешить наш спор кулаками.

Мальчишка сделал шаг вперед.

– Мы не боимся, – заявил он, подражая плохому парню из черно-белого кино.

– Ты думаешь, завтра принадлежит тебе?

– Уверен.

– Тебе известно, что делать постоянно одно и то же и рассчитывать на иной исход – настоящее безумие? Слышал про такое? Теперь это любимая фраза докторов. Мне кажется, первым ее произнес Эйнштейн. А ведь он был немцем, верно? Подумай.

– Уходите.

– Считаю до трех, малыш. Отойди в сторону.

Парнишка промолчал.

– Один.

Никакой реакции.

Ричер ударил его на счет «два». Строго говоря, он его обманул, но, с другой стороны, какого черта? Переговоры закончились, так что добро пожаловать в реальный мир, малыш. Джек врезал ему прямой правой в солнечное сплетение – проявление гуманности. Все равно как оглушить корову. Второму парню повезло меньше – против него сыграла инерция, и он наткнулся на локоть Ричера, который угодил ему между глазами.

Падая, мальчишка налетел на четвертого громилу, и Джеку хватило времени, чтобы добраться до третьего. Тем же локтем, возвращавшимся в нормальное положение по широкой дуге, он нанес ему сильный удар и на мгновение задумался, как поступить с четвертым. Впрочем, думал он недолго и врезал ему по яйцам – минимум усилий при максимальном результате.

Затем, перешагнув через переплетение ног и рук, вошел в бар. За стойкой совершенно пустого бара стоял старик лет семидесяти. Как Рэтклифф. Но в гораздо худшей физической форме – морщинистый, сморщенный, седой и сгорбленный.

– Вы говорите по-английски? – спросил Ричер.

– Да, – ответил старик.

– Я видел, как вы выглянули в окно.

– Правда?

– Вы же знали про тех мальчишек.

– Что знал?

– Ну, что они хотят, чтобы сюда приходили только немцы. Вы согласны с ними?

– Я имею право выбирать, кого обслуживать.

– Хотите меня обслужить?

– Нет, но я это сделаю, если мне придется.

– У вас приличный кофе?

– Очень.

– Я не стану пить ваш кофе. Зато хочу получить ответ на вопрос, который меня всегда занимал.

– Какой вопрос?

– Каково это – проиграть войну?

* * *

Они пошли дальше – и сдались через пять улиц. Слишком много получилось вариантов. Границы поиска можно сузить, если знаешь о вкусах и предпочтениях тех, кого ты ищешь, но все равно остается огромное количество самых разных сценариев. Понять, где могли встретиться те двое, не было никакой возможности.

– Нам придется зайти с другой стороны, – сказал Ричер. – Залечь на дно, дожидаться, когда вернется курьер, проследить за ним и посмотреть, с кем он встретится. Но, учитывая все обстоятельства, задача не из простых. Чтобы идти за ним по этим улицам, потребуется настоящее мастерство. И много людей. Нам вообще понадобится команда специалистов по наружному наблюдению.

– Мы все равно не можем это сделать, – сказала Нигли, – чтобы не выдать иранца.

– Мы будем держаться в сторонке и ждать. Столько, сколько потребуется. Сейчас нам нужно только взглянуть на парня, с которым встретится курьер. Если мы будем знать, кто он такой, мы сможем заняться им позже и под другим углом. Например, начнем какое-нибудь совсем постороннее расследование, которое подведет нас к нему. Или переконструируем то, что ведем сейчас. В любом случае курьер останется в стороне. И положение иранца не изменится.

– Неужели у кого-то есть специализированные команды наружного наблюдения?

– Уверен, что в ЦРУ они есть.

– В каждом консульстве? До сих пор? Сомневаюсь. Думаю, нам следует рассчитывать только на себя. И вы правы, будет очень непросто. Особенно учитывая, что в том доме наверняка есть черный ход и нам с самого начала придется разделиться.

– Может быть, у Уотермена есть люди, – сказал Ричер.

– Эта операция должна быть более масштабной.

– Мы можем получить все, что пожелаем. Так сказал Рэтклифф.

– Только я не уверена, что именно он имел в виду. Он скажет, что, даже если будем наблюдать за той квартирой, мы подвергнем иранца риску. И окажется прав. Возможно, потребуется две полные недели, и малейший промах – или если они заметят одного и того же человека дважды – провалит явочную квартиру, и они сообразят, почему это произошло. У нас связаны руки.

Ричер ничего не ответил.

* * *

Они пошли назад в свой отель, и на улице в двух кварталах от него увидели четыре полицейские машины, припаркованные друг за другом у тротуара. Восемь копов в форме ходили от дома к дому, нажимали на звонки, разговаривали с людьми в вестибюлях, потом двигались по следующему адресу. Опрос свидетелей. Значит, произошло что-то очень нехорошее.

Они собрались пройти мимо, но их остановил полицейский и спросил по-немецки:

– Вы живете на этой улице?

– Вы говорите по-английски? – спросил Ричер.

– Вы живете на этой улице? – спросил коп по-английски.

– Мы остановились вон в том отеле, – ответил Ричер, махнув рукой вперед.

– Как давно вы здесь?

– Мы заселились утром.

– Ночной рейс?

– Да.

– Из Америки?

– Как вы догадались?

– По вашей одежде и поведению. Какова цель вашего визита?

– Туризм.

– Ваши документы, пожалуйста, – попросил коп.

– Правда?

– В соответствии с законом Германии вы обязаны по просьбе полиции показать свои документы.

Ричер пожал плечами и засунул руку в карман, чтобы достать армейское удостоверение личности. Никаких проблем, чтобы его отыскать, у него не возникло, поскольку там особо ничего больше не лежало, и он протянул его полицейскому. Нигли последовала его примеру. Коп записал их имена в блокнот и вежливо вернул документы.

– Спасибо, – поблагодарил он их.

– А что случилось? – спросил Ричер.

– Задушили проститутку. До того, как вы приехали. Хорошего вам дня.

Он отвернулся и зашагал прочь, оставив их стоять на тротуаре.

* * *

В этот момент американец находился менее чем в пятистах ярдах от них, на параллельной улице, – брал напрокат машину в маленьком агентстве, втиснувшемся между двумя невысокими домами. Он хотел убраться из города всего на несколько дней. Даже несколько часов. Глупая реакция на случившееся, как у ребенка: если я тебя не вижу, то и ты меня не видишь. Впрочем, он не особо беспокоился. Даже совсем не беспокоился. Там не было камер, и он не оставил ни отпечатков пальцев, ни своей ДНК. В этом он не сомневался. Однако находиться в городе все равно не стоило. Он решил, что, пожалуй, поедет в Амстердам, а потом вернется. Все, что с ним происходило, напоминало падение, и он уже не мог остановиться.

* * *

Ричер и Нигли вернулись в отель, и служащий за стойкой сказал, что им дважды звонил из Америки джентльмен по имени Уотермен. Двенадцать дня в Гамбурге, шесть утра на Восточном побережье. Значит, появилось что-то важное. Они поднялись в номер Нигли, который был ближе, и оттуда позвонили Уотермену. Трубку взял его помощник Лэндри. Значит, они уже все встали и работают. Через минуту подошел сам Уотермен и сказал:

– Вам нужно вернуться. У нас появились новые сведения. Складывается впечатление, что все меняется.

Глава

07

Ранним вечером они сели в самолет «Люфтганзы» и оказались среди молодых людей, по большей части летевших поодиночке, странных и не очень, похожих на выпускников университетов, отправившихся путешествовать. Они приземлились в Штатах через два часа после того, как покинули Германию, в середине вечера, восемь часов в воздухе минус шесть временных зон. Забрали свой «Шевроле» из гаража кратковременного хранения, покатали в темноте в Маклин и припарковались рядом с более новыми «Шевроле», которые выглядели так, будто за время их отсутствия не сдвинулись с места. Рядом с ними стояли два черных фургона. Ричер и Нигли вошли внутрь и обнаружили, что все, включая Рэтклиффа и Синклера, набились в кабинет и ждут их. Впрочем, ждали они не слишком долго. Высокое звание имеет свои преимущества.

– Вы как раз вовремя, – сказал Рэтклифф. – ФАА [3 - Федеральное управление гражданской авиации.] держало нас в курсе прогресса вашего самолета, а полиция информировала насчет движения на автострадах.

– Что мы пропустили? – спросил Ричер.

– Один кусочек головоломки, – ответил Рэтклифф. – Что вы знаете про компьютеры?

– Однажды видел.

– У всех компьютеров внутри есть такая штука, которая устанавливает время и дату. Маленькая цепь. Очень простая и дешевая, созданная еще в те времена, когда пользовались только перфокартами и данные требовалось втиснуть в восемьдесят колонок. Чтобы сэкономить биты, год стали обозначать двумя цифрами, а не четырьмя. Например, одна тысяча девятьсот шестьдесят писали

как шестьдесят, тысяча девятьсот шестьдесят один – шестьдесят один. И так далее. Им требовалось дополнительное место. И все было отлично. Тогда. Но нам следует подумать о «сейчас». Мы с вами не успеем заметить, как тысяча девятьсот девяносто девятый превратится в двухтысячный, и никто не знает, будут ли прежние системы двух цифр функционировать так же. Или они решат, что наступил тысяча девятисотый, а может, девятнадцатитысячный... Или вообще нулевой. Возможно, они просто перестанут работать. И это приведет к катастрофическим последствиям во всем мире. Мы можем остаться без коммунальных услуг и инфраструктур. Города – без света. И вы в одно мгновение потеряете все свои деньги.

– У меня нет денег, – сказал Ричер.

– Но вы понимаете, что я имею в виду.

– А что говорят те, кто придумал эти цепи?

– Они либо давным-давно ушли на покой, либо вообще умерли. В любом случае они не предполагали, что эти программы продержатся больше нескольких лет. Никаких документов не осталось. Просто компания умников собралась в лаборатории, чтобы решить стоявшую перед ними тогда задачу. Никто не помнит подробностей. И у нас нет гениев, которые могли бы разработать эту систему в обратную сторону. Кроме того, существует подозрение, что они неправильно поняли григорианский календарь и забыли, что двухтысячный год – високосный. Как правило, все, что делится на сто, таковым не является. В отличие от числа, делящегося на четыреста. Так что мы в полной заднице.

– А какое это имеет отношение к нашему делу?

– Мир все больше и больше зависит от компьютеров. Интернет к двухтысячному году может стать серьезной силой, и это умножит нашу проблему, потому что он опутает своей сетью мир, соединив все со всем. Ставки растут, люди начинают волноваться, они понимают размеры бедствия. В ответ находчивые предприниматели пытаются написать программные корректировки.

– А это еще что такое?

– Что-то вроде волшебных пуль. Ты вводишь новый код, и твоя проблема решена. На этом можно сделать кучу денег, поскольку рынок огромен. Миллионы людей во всем мире должны заранее предпринять меры, чтобы предотвратить возможные проблемы. Причем срочно. Настолько срочно, что пользователи будут сначала устанавливать новые программы и только потом думать – и, таким образом, станут уязвимы.

– Перед чем?

– Еще один фрагмент. До нас дошли сведения, что существует готовая корректировка и она продается. Внешне она выглядит совершенно невинно, но только внешне. На самом деле это «троянский конь». Как вирус или червь, но не совсем. Это состоящий из четырех цифр календарь, но его действие можно приостановить, используя удаленную команду. Через Интернет, который с каждым днем развивается все сильнее. Компьютеры во всем мире выйдут из строя – правительственные, коммунальных служб, корпораций и обычных людей. Представьте, какую власть такая программа даст человеку. Подумайте о хаосе, который разразится. И о возможностях шантажа. За такое кто-то непременно согласится заплатить сто миллионов.

– Но ведь это только предположение, – сказал Ричер. – Люди готовы заплатить сто миллионов много за что. Почему вы решили, что речь идет именно о компьютерной программе?

Лучше выслушать все от начала и до конца.

– Чтобы создать подобную программу, нужен талант определенного рода, – ответил Рэтклифф. – И особый интеллект. А также восприимчивость на грани обычной. Разумеется, программисты смотрят на это иначе, поскольку презирают условности. Как мне сказали, среди них такое встречается нередко. Итак, примерно четыреста специалистов собрались на международную конференцию. Четыреста умников, которым нет дела до законов нашего мира. Примерно половина из них американцы.

– Где?

– Конференция проходила в Германии – точнее, в Гамбурге. Они находились там тогда же, когда и вы. Заккрытие состоялось сегодня утром. И сегодня все они

покинули город.

– Мне кажется, мы видели кое-кого из них в самолете, – кивнув, сказал Ричер. – Молодые и нечесаные.

– Однако конференция была в полном разгаре, когда курьер встретился с американцем. В тот момент в городе находились двести программистов из Штатов. Возможно, один из них сбежал на часок.

Ричер молчал.

– Наши специалисты сказали мне, что такие конференции, проходящие в Западной Европе, имеют особый налет, – продолжал Рэтклифф. – Они привлекают разного рода безумцев и радикалов.

* * *

Сразу после этого он ушел вместе со своими телохранителями, а Синклер продолжила инструктаж. Она сказала, что им следует изменить угол изучения проблемы и уделить самое пристальное внимание программистам. В ФБР создан новый отдел, который займется данной проблемой. Уотермен будет поддерживать связь с ними или с теми, кто сможет оказаться полезным, но только через нее, или Рэтклиффа, или президента. Уайт должен идентифицировать всех двести американцев и начать их проверять. Ричеру в настоящий момент делать нечего, но он должен оставаться поблизости, на всякий случай.

У Министерства обороны есть компьютеры и программисты, и на самом деле первые тревожные сигналы касательно вопроса, о котором шла речь чуть раньше, поступили от них. Возможно, плохой парень подавал запрос, прежде чем организовать поставку.

Уотермен и Уайт занялись делом, и Ричер с Синклер остались в офисе одни. Она окинула его взглядом с головы до ног и спросила:

– Вы хотите задать мне какой-то вопрос?

«Вы уже ужинали?» – подумал он.

Мэриан была в очередном черном платье до колена, плотно облегавшем стройную фигуру, темных колготках и дорогих туфлях. Такое же лицо, та же простая стрижка и волосы, которые она расчесывала пальцами. И без обручального кольца. Но вместо вопроса про ужин он спросил:

– Вы действительно думаете, что парни, которые лазают по веревкам в Йемене, захотят купить такую программу?

– Мы не видим причин, по которым они не могут этого сделать. Про них нельзя сказать, что они дикари, и назначенная американцем цена до определенной степени является тому доказательством. В сделке участвует либо какая-то злокозненная корпорация, либо такое же правительство, или капитал очень богатой семьи. Значит, они знакомы с современными достижениями науки, включая, вне всякого сомнения, компьютерные системы.

– Я бы сказал, что вы делаете предсказание на основе самоубеждения.

– Что вы имеете в виду?

– Импровизация штука хорошая, а вот паника – нет. Вы хватаетесь за соломинки. Существует вероятность того, что вы ошибаетесь. Что происходит, когда перевернуты все камни?

– У вас есть другие предложения касательно того, как нам следует проводить расследование?

– Пока нет.

– Что произошло в Гамбурге? – спросила Синклер.

– Ничего особенного, – ответил Ричер. – Мы видели дом, в котором находится интересующая нас квартира. Как дела у иранца?

– Всё в порядке. Он связывался с нами сегодня утром. Ничего особо не происходит. В доме через четыре улицы совершено преступление, убита

проститутка, и вокруг этого поднялся шум, но не слишком громкий.

– Мы видели, – сказал Ричер. – Мы много чего видели, включая огромное количество возможных направлений расследования. Мы не можем начать с дальнего конца, и нам придется проследить за курьером от квартиры до места встречи.

– Слишком рискованно.

– Других вариантов нет.

– Вы можете найти американца до того, как состоится встреча. Это один из вариантов. И, возможно, лучший для всех заинтересованных лиц.

– На вас давят сверху.

– Да, мое начальство очень хотело бы закрыть это дело как можно быстрее.

– А потому приятно осознавать, что можно сузить круг поисков, поскольку возникает ощущение прогресса. Двести звучит лучше, чем двести тысяч. Но то, что кажется приятным, не всегда разумно.

Синклер довольно долго молчала, обдумывая его слова.

– Хорошо. Когда вы не будете нужны остальным, можете действовать по собственному усмотрению, – сказала она наконец.

* * *

Впрочем, тут имелись своего рода ограничения, что-то вроде свободы, лишенной гравитации. Один удар, и ты вылетел из игры. И у тебя не будет другой попытки.

– Все рассуждения так или иначе ведут к одному вопросу. Что американец собирается продать? – заметила Нигли.

– Согласен, – сказал Ричер.

– Так что же это?

– Ты же составила список.

– Ничего я не составила, листок остался пустым. Какую нашу тайну они могут захотеть получить? За что готовы заплатить сто миллионов долларов? Они уже и так знают все, что требуется. Это можно прочитать в любой газете. Наша армия больше их армии. Конец истории. Если дойдет до дела, мы без проблем надерем им задницы. Зачем тратить сто миллионов, чтобы узнать, как именно мы это сделаем и какие потери они понесут?

– Тогда программное обеспечение.

– Но какое? Здесь все либо очень дешевое и его много, либо требуется целая армия инженеров, чтобы оно работало. Среднего нет. Сто миллионов – очень странная цена.

– Я сказал то же самое Уайту, – кивнув, согласился Ричер. – Он предположил, что речь идет о танках или самолетах.

– Назовите мне хотя бы один нормальный пример программного обеспечения, которое они хотели бы от нас получить. Нечто, специально разработанное для использования обычным пехотинцем на поле боя в разгар сражения. Потому что именно это им нужно. Нечто простое, грубое и надежное, с большой красной кнопкой и громадной желтой стрелкой, указывающей вперед. У них нет возможности готовить специалистов, как нет и армии инженеров.

– Ну, вариантов много.

– Согласна. Переносные ракетные комплексы «земля – воздух», которые запускаются с плеча, могут оказаться весьма полезными. Они в состоянии сбить гражданский самолет над городом. Только у них и своих хватает. Мы передали достаточное количество повстанцам, а Советы оставили тысячи таких ракет, когда ушли. Теперь новая Россия активно продает те, что они забрали с собой. И если плохим парням покажется, что этого мало, они могут купить необходимое число по дешевке в Китае. Или в Северной Корее. Потратить сто миллионов долларов на ракеты невозможно физически. Их слишком много, и

стоят они недорого. Первое правило экономики. Все равно что потратить сто миллионов на грязь.

– Тогда что?

– Ничего. У нас нет ни одного предположения.

Десять вечера в Маклине, Вирджиния.

* * *

Или половина восьмого утра следующего дня в Джелалабаде, в Афганистане. Курьер снова ждал в приемной. Сквозь высокое окно внутрь вливались лучи солнца, в которых танцевали пылинки и шевелились только что появившиеся на свет мухи. На кухне готовили чай.

В конце концов курьера провели в ту же маленькую жаркую комнатку, с такими же высокими окнами, лучами утреннего солнца, пылинками и просыпающимися мухами. Те же двое мужчин сидели на тех же подушках, залитых солнцем. Оба с бородами, один толстый коротышка, другой высокий и худой, оба в таких же, как и в предыдущий раз, простых белых халатах и белых тюбанах.

– Ты должен отбыть сегодня с нашим ответом, – сказал Худой.

Курьер почтительно склонил голову.

– В нашем мире принято торговаться, но мы не верблюдов покупаем. Поэтому наш ответ прост.

Курьер снова склонил голову и слегка ее повернул, как будто подставил ухо, чтобы лучше расслышать ответ.

– Передай американцу, что мы заплатим столько, сколько он просит, – сказал Худой.

Четырьмя часами позже в Гамбурге, в Германии, пробило восемь утра, и главный патологоанатом приступил к работе в центральном морге. Он закончил вскрытие накануне поздно вечером. Ему не платили за сверхурочные часы, но убийства случались редко и были весьма полезны для карьеры. Сейчас он хотел снова просмотреть свои записи, прежде чем передать заключение по инстанциям.

Жертва была высокой белой женщиной с очень бледной кожей. Судя по документам, к моменту смерти ей было тридцать шесть лет и восемь месяцев, что подтверждалось физическими данными. Она находилась в хорошей форме и, судя по количеству жира на теле, придерживалась диет. Тонус мышц говорил за то, что она проводила достаточно времени в спортивном зале. За шесть часов до смерти она ела салат кускус, а за час до убийства проглотила семенную жидкость. Затем ее задушили, сзади, исключительно жестоко. С правой стороны ткани повреждены немного больше, что указывает на более сильную правую руку; значит, преступник правша.

Бледная кожа жертвы позволила увидеть присмертные синяки в других местах. Не большие, но четкие. Особенно на внешней части локтей, там, где на них давили колени убийцы. Он прижал ее к кровати и сел сверху, оседлав, точно пони. На ягодицах также имелись едва различимые синяки в тех местах, где он касался ее своими ягодицами. Патологоанатом пришел к выводу, что убийца был костлявым, сильным, но жилистым, с острыми локтями и коленями. По телевизору сказали бы, тощий придурок. Возможно, он нервничал и был подвержен вспышкам ярости.

Перед мысленным взором патологоанатома начала вырисовываться четкая картина.

Более того, расстояния между синяками на ягодицах и локтях жертвы совершенно точно указывали на расстояние между границей брюшного пояса и коленными чашечками преступника. А это, после стандартных расчетов для суставов, о которых идет речь, позволяло определить длину бедренной кости, что, в свою очередь, давало возможность безошибочно установить рост убийцы.

Получалось, что он составляет один метр семьдесят сантиметров, а в единицах, принятых в Америке, – пять футов и восемь дюймов. И в данном случае американские единицы измерения актуальны, поскольку жертва была проституткой. Американские солдаты получают достаточно денег, которых им хватает на подобные развлечения. В общем, не карлик, но и не великан.

Закончив читать, патологоанатом прикрепил к отчету написанную от руки записку. Это не было стандартной процедурой, но он не сумел справиться с охватившим его возбуждением. В записке говорилось, что, по его мнению, преступник правша, среднего роста (возможно, чуть ниже среднего), худой, возможно, костлявый, сильный, скорее жилистый, а не мускулистый. Вроде бегуна на длинные дистанции.

Затем патологоанатом запечатал отчет в конверт и попросил немедленно доставить его начальнику отдела расследований городского полицейского управления.

* * *

Начальник отдела расследований сначала не особо заинтересовался отчетом, но позже тот привлек его внимание. Звали начальника Гризман, его считали успешным полицейским, а девяносто процентов раскрываемости – впечатляющим результатом работы отдела, которым он руководил. Но в данном случае Гризман не хотел ни на кого произвести хорошее впечатление, лишь провести короткое расследование, а потом отправить дело на другую сторону пропасти, в десять процентов холодных и забытых неудач.

Он прочитал отчеты своих детективов. Один сообщал, что обычно жертва поздно вечером покидала свою квартиру и направлялась в отель, где работала в баре. Но в тот вечер никто не видел, как она приехала. Обычно клиенты использовали для интимных развлечений свои собственные номера, и она уходила глубокой ночью или рано утром. Бармены и обслуживающий персонал отеля, возможно, смогут предоставить список мужчин, с которыми встречалась жертва.

В другом отчете сообщалось, что она была склонна развлекать клиентов у себя дома. Это, вообще-то, нехарактерно для гостиничных проституток. Возможно, данный клиент являлся постоянным, она его хорошо знала и доверяла ему. Таким образом, тщательное изучение ее клиентов может оказаться весьма

полезным. Примерно за год или два. Предположительно, отношения начались в баре, и тогда служащие отеля могут вспомнить, как они познакомились. Большинство из них работает там достаточно долго.

В третьем отчете говорилось, что жертва была исключительно дорогой проституткой.

Гризман закрыл глаза.

Это он уже знал, как и то, что она работала в баре. Отчеты, которые получил полицейский, имели некоторые неточности. В том, что жертва пригласила клиента к себе домой, не было ничего необычного. Она действительно знакомилась в баре с мужчинами, которые не жили в отеле, но иногда ее клиентами становились местные господа, решившие немного расслабиться после тяжелого рабочего дня. Они жили неподалеку, но не могли воспользоваться своими домами из-за жен, детей и тому подобное.

Местные господа, такие, как он сам.

Гризман был ее клиентом. Почти год назад. Три раза. Ну, хорошо, четыре. И они встречались у нее дома. Первый раз действительно отправились туда из отеля. Ты в каком номере остановился? На самом деле я просто зашел пропустить стаканчик. Они поехали к ней на разных машинах. У него имелась страховка, совсем недавно выплаченная, с бонусом, на срочном счете в банке. Для детей. А теперь эта женщина умерла. Убита. Он обязательно появится в списке мужчин, с которыми ее видели. Тщательное расследование станет для него катастрофой. Его обязательно кто-нибудь вспомнит. Естественно, его уволят. И, разумеется, жена с ним разведется. Его ждет позор.

Гризман открыл конверт с отчетом патологоанатома, где сообщались холодные, жесткие факты. Он знал эту шею, длинную, худую и изысканно бледную. Знал, что она любила кускус. Знал, что глотала семенную жидкость.

Он открыл последнюю страницу и увидел личную записку.

Правша, среднего роста, недостаточный вес, скорее жилистый, а не мускулистый. Как бегун на длинные дистанции.

Гризман улыбнулся.

Его собственный рост составлял два метра, а вес равнялся 136 килограммам. В американских единицах шесть футов и шесть дюймов и триста фунтов. Причем по большей части все они были жиром. Он ел сосиски и пюре на завтрак и в последний раз видел свои кости лишь на рентгене.

Ничего даже отдаленно похожего на бегуна на длинные дистанции.

Гизман сказал секретарше, чтобы она созвала всех на совещание, и вскоре пришла команда его детективов.

– Пора нам определить новые параметры поиска, – сказал он. – Полагаю, жертва подъехала к отелю, но, не успев дойти до двери, нашла клиента. Возможно, случайная встреча прямо в гараже. Или постоянный клиент. Может быть, они давно не виделись. Это означает, что он достаточно богат, чтобы оплатить ее услуги, но не жил в том отеле, либо сначала она предложила ему отправиться в его номер, когда они только познакомились. Получается, он либо местный, либо остановился в другом месте. Далее возникает вопрос: есть ли у него машина? Скорее всего, есть, потому что он находился в гараже. А может, и нет, поскольку гараж является коротким путем в другую часть квартала. Таким образом, выходит, что жертва сама привезла его к себе домой, и мы должны снять отпечатки пальцев в ее машине. По крайней мере, на ручках и ремнях безопасности.

Детективы послушно записали его указания.

– И, что лучше всего, у нас теперь есть точные данные от коронера. Преступник среднего роста, очень худой. Эта информация получена с использованием научных методов. Вот такого человека мы и будем искать. Забудьте о прошлых клиентах, если только они не окажутся среднего роста и худыми. Больше нас никто не интересует. Вне всякого сомнения, мы только зря потратим время, потому что, скорее всего, он какой-нибудь матрос, получивший жалование, и сейчас уже уплыл за океан, но все должны увидеть, что мы заняты делом. Сосредоточьтесь на имеющихся у нас уликах: средний рост, худой, отпечатки пальцев в машине. И ничего другого. Никакой охоты за призраками. Экономьте силы для следующих дел.

Детективы вышли из кабинета, Гризман выдохнул и откинулся на спинку стула.

* * *

В этот момент американец находился в Амстердаме. Он поздно встал и теперь принимал душ. Номер был снят в отеле, который находился через улицу от роскошных гостиниц, был маленьким, чистым, и в основном там останавливались пилоты самолетов. Такое особое место. Он спустился вниз, чтобы выпить кофе, и увидел в комнате для завтраков немецкие газеты. Никаких заголовков про убийство. Никто ничего про него не узнал. Он был в полной безопасности.

* * *

В этот момент курьер, сидя в пикапе «Тойота», успел проехать всего пять миль из трехсот. Затем ему предстояло сменить четыре аэропорта и три явочные квартиры. Тяжелое испытание, с первой минуты и до последней, но худшее было в самом начале – жуткая дорога, тяжелая для машины и пассажира. Она выматывала и местами даже отдаленно не походила на дорогу – скорее на высохшее русло реки. Но такова цена уединения.

* * *

Солнце отступало на запад, сначала к побережью Делавэра, затем на восточный берег Мэриленда и дальше в округ Колумбия, город, на короткие мгновения ставший великолепным в лучах встающего солнца, как будто его специально построили для этого мимолетного мига, отмечавшего начало дня. Потом рассвет добрался до Маклина. В это время в парк въехал грузовик с завтраком и кофе. Все уже проснулись и ждали его появления. Лэндри, Вандербильт и Нигли поселились во втором из трех зданий на территории Образовательного центра. Всё так же, как и в комнатах офицеров, такие же кровати там, где прежде стояли письменные столы. Парни из СНБ присматривали за происходящим из третьего здания: один на посту, другой спит.

– Все программисты, кроме десяти человек, либо уже вернулись в Штаты, либо летят туда. Оставшиеся десять – экспатрианты и живут в Европе и Азии. Один из них – в Гамбурге, – сказал Уайт.

– Мои поздравления, вы раскрыли дело, – сказал Ричер.

– Здесь вопрос приоритетов. Может ли экспатриант стать плохим парнем? И следует ли нам заняться ими в первую очередь?

– Кто тот парень, что живет в Гамбурге?

– У нас есть фотография. Он представитель контркультуры. Компьютерами начал заниматься очень рано. Говорит, что они сделают мир более демократичным. Он ворует и взламывает все подряд, но называет это политикой, а не преступлением. Либо искусством перформанса.

Вандербилт вытащил из папки фотографию, но только головы и плеч – снимок, помещенный в верхней левой части страницы, вырванной из журнала. Это была авторская статья, судя по всему, из подпольного издания. На них смотрел худой белый мужчина с огромной копной волос. То ли безумный профессор, то ли веселый проказник. Ему было сорок лет.

– Глава нашего гамбургского подразделения организовал за ним короткую слежку. Сейчас его нет дома, – сказал Уайт.

– Если он там живет, почему назначил первую встречу с курьером, когда в городе проходила конференция? – задал вопрос Ричер. – Неделя была заполнена самыми разными событиями, и на конференции присутствовали люди, которые его знают. Они могли заметить его отсутствие. Лучше организовать переговоры до или после.

– Поэтому, учитывая выбор времени, вы считаете, что нужный нам человек приехал на конференцию.

– Я считаю, что все это сильно смахивает на Алису в Стране чудес.

– На данный момент ничего другого у нас нет.

– На какие расстояния курьеры доставляют сообщения? – спросил Ричер.

– Сюда они еще не добрались. По крайней мере, насколько нам известно. Но они путешествуют по всей Западной Европе, Скандинавии и Северной Африке. И, естественно, Ближнему Востоку.

– Значит, лучшее, что вы можете сделать, – это отследить программистов, которые вернулись домой, и подождать, когда они снова появятся в Гамбурге для второй встречи. Чтобы получить положительный или отрицательный ответ. В соответствии с вашей теорией Гамбург выбран из-за того, что там проводилась конференция. В таком случае вторую встречу будет гораздо удобнее организовать в каком-то другом месте. В Париже или Лондоне. Может, в Марракеше. Ваша теория никоим образом не может предсказать, где они встретятся.

– Мы узнаем, какой билет он купит, а значит, куда направится.

– Он сделает это в самый последний момент.

– Мы все равно будем знать, на какой самолет он сядет.

– Но будет слишком поздно. И что вы тогда станете делать? Купите билет на следующий рейс и окажетесь на месте на четыре часа позже, уже после того, как сделка будет совершена?

– Вам говорили, что вы настоящий луч солнца в мрачный день?

– Ваша теория утверждает, что курьер будет двигаться к тому же месту назначения в то же время.

– Мы не знаем, каким именем он воспользуется и откуда прибудет. Или какой у него будет паспорт. Возможно, пакистанский. Или британский. А может, французский. Вариантов множество. Мы изучили два дня до первой встречи и только в аэропорту Гамбурга насчитали пятьсот возможных кандидатов. По документам мы не в состоянии отличить одного от другого и не сможем определить, за кем следить.

– Выпейте еще кофе, – предложил Ричер, – обычно это помогает решить проблемы.

* * *

В Гамбурге было время ланча, и начальник отдела расследований Гризман находился всего в нескольких минутах от великолепного паштета, который подавали в подвальном ресторане недалеко от его офиса. Но сначала ему требовалось закончить дела. Среди прочего в его обязанности входила передача информации тем, кто в ней нуждался. Что-то вроде редактора или куратора. Кто-то же должен отвечать за порядок. И чья-то толстая задница вылетит с работы, если в результате точки не сойдутся в безупречном рисунке. За это он и получал большие бабки, как говорили по телевизору.

Естественно, Гризман старался соблюдать осторожность, считая, что лучше обезопасить себя, чем потом жалеть, что не сделал этого. Практически все куда-то отправлялось, каждый день перед ланчем. Он просмотрел ксероксы и копии документов, затем сложил их в отдельные стопки и приклеил ярлычки, чтобы секретарша, которая должна отправить их в то или иное агентство, пока он будет есть, ничего не перепутала.

Сверху лежал еще один отчет по делу проститутки. Среди имен, собранных во время поквартирного опроса на ее улице, значились имена майора американской армии и сержанта, заявивших, что они приехали с целью туризма. Офицер полиции, составивший рапорт, связался с пограничной службой аэропорта и выяснил, что оба они, как и сказали, действительно прилетели в то утро. Таким образом, их можно было исключить из списка подозреваемых, но офицер отметил, что они не производили впечатления обычных туристов.

Лучше проверить, чем потом жалеть. Гризман отправил отчет в ящик, помеченный «Штаб армии США, Штутгарт», где тот оказался единственным документом на данный день.

Затем он прочитал стандартный рапорт полицейского департамента, составленный с целью прикрыть свою задницу. В нем сообщалось, что несколько дней назад им позвонил представитель гражданского населения и сообщил, что ближе к вечеру видел американца, который разговаривал в баре, расположенном недалеко от центра, с темнокожим мужчиной, вероятно, выходцем с Ближнего Востока.

Далее внимательный гражданин сказал, что темнокожий мужчина был возбужден, вне всякого сомнения, из-за жизненно важных секретов, имевших отношение к региональным беспорядкам, возникавшим по причине исторически сложившейся несправедливости. Впрочем, дальше офицеры полиции добавили, что данный гражданин известен своими параноидальными безумными идеями и заявлениями. Он часто звонил по телефону, чтобы предупредить о грядущем конце света. Да и в любом случае не удивительно, что человек с Ближнего Востока нервничал, потому что это был консервативный бар, его присутствие не приветствовалось, и вряд ли его стали бы там долго терпеть. Учитывая все факты, офицеры полиции посчитали необходимым записать показания внимательного гражданина.

Гризман не сомневался, что данный отчет следует отправить дальше по цепочке. В игру «прикрой-свою-задницу» играют и вдвоем. Только вот он никак не мог решить, куда именно передать отчет. Разумеется, в американское консульство. Частично в отместку за нахальное поведение. С какой стати американцу приглашать араба в такой бар? Разумеется, эта идея не принадлежала представителю Ближнего Востока, он его никогда не выбрал бы. И с какой целью они встречались?

Но главным образом Гризман решил отправить отчет в консульство, потому что американец разговаривал с арабом. Они как-то неожиданно заинтересовались подобными вещами. И тут можно было заработать пару очков и получить продвижение по службе.

Гризман бросил листок в ящик, помеченный «Американское консульство, Гамбург», где тот оказался единственным документом на данный день.

Глава

09

Ричер и Нигли устроились в центре управления, расположившемся в классной комнате, и занялись отчетами о передвижениях представителей армии. Он брали сто, двести, пятьсот имен за раз. Армия великолепно умела отслеживать подобные вещи, кроме тех своих представителей, которые находились в

отпуске. Отдых с семьей, в немецких пригородах. Либо дешевые билеты домой. Каникулы, путешествия. Люди, разбросанные по всему миру. Минимум тысячи в каждый данный отрезок времени.

И никакой информации.

– У нас есть три самоволки плюс офицер, который категорически отказывается сказать, где он находился в тот день.

Подполковник.

– Что насчет самоволок? – спросил Ричер.

– Все рядовые первого класса. Пехотинец, танкист и медик.

Рядовые первого класса.

– Теперь у медиков принято сбегать со службы? – удивился Ричер. – И когда это началось? Как долго они отсутствовали?

– Медик – неделю, пехотинец – полторы, парень из танковых войск – четыре месяца.

– Четыре месяца – это долго.

– Его не могут найти. Он ни разу не воспользовался своим паспортом, так что, возможно, все еще находится в Германии. Но теперь это большая страна.

– Что известно про офицера, который отказывается говорить, где он был?

– Он командует пехотным подразделением.

– Ты навела о нем справки?

Самая эффективная в мире разведывательная сеть.

– Вполне себе правильный, – ответила Нигли, – но ему не понравилось то, что происходило в Заливе, и теперь он смотрит сквозь туман на Восток и Советы, только вот они давно перестали существовать. Он недоволен и раздражен и время от времени говорит об этом вслух.

– Оппозиционер.

– Но не самый ярый.

– А почему они не знают, где он был?

– Он выписал себе командировку. Изучение нового оружия и тактики. В общем, обычное дерьмо. Жизнь меняется, непонятно, что ждет нас в будущем, и тому подобное. Он много путешествует и обычно не должен отчитываться, где бывает. Но в этот раз его спросили, однако ответа не получили.

– Где он сейчас?

– Его отправили домой, потому что вопрос поступил из Западного крыла, от главнокомандующего. Никто не знает, что делать дальше. И никто не понимает, значит это что-либо или не значит ничего.

– Нам стоит поставить эти слова в качестве девиза под двумя скрещенными вопросительными знаками на наши нашивки.

– Я уверена, что его разместили где-то неподалеку от Пентагона и в будущем парня ждут расспросы на очень высоком уровне. Если вы хотите поговорить с ним, мы легко его найдем. – В следующее мгновение она сказала: – Подождите, – и принялась перебирать листы в своей стопке бумаг. – Черт подери, подождите-ка...

Нигли нашла нужный листок, просмотрела его, потом еще раз.

– Я знаю, где он был неделю назад, – сказала она.

Ричер прочитал то, что было написано на листке, вверх ногами. Имена и номера рейсов. Тридцать шесть американцев. Работа Вандербильта.

– Цюрих, – сказал он.

Нигли кивнула.

– Ровно за семь дней до встречи с курьером он прибыл туда днем, как раз чтобы успеть выпить чашку кофе, и вернулся назад поздно вечером, после ужина. Но он не может быть нашим парнем. Наш придумал бы историю о том, как он провел интересующий нас день. Так ведь? Он соврал бы, а не стал молчать точно рыба. И что, по его представлениям, мы станем делать? Поверим слову джентльмена?

– Узнай, где он находится, – сказал Ричер. – Позаботься, чтобы им стало известно, что вопрос исходит от главнокомандующего. Скажи, что мы за ним приедем, посадим на заднее сиденье машины и покатаемся вокруг квартала.

* * *

Заинтересовавший их офицер находился в Майере, в казарме для откомандированных туда офицеров. По прикидкам Ричера, новый приказ «посадить-в-машину» поступил примерно за двадцать минут до их появления, вероятно, из Объединенного комитета начальников штабов, что, естественно, добавило ему веса. Джек решил, что нужный им офицер либо сбежит до их приезда, либо подготовится к встрече. Оказалось, что он выбрал второе и вышел из двери своей комнаты, как только черный «Шевроле» остановился у тротуара.

Нигли сидела за рулем, Ричер устроился сзади, справа. Офицер забрался в машину и сел за Нигли – прямо, спина напряжена, руки лежат на коленях, как будто он оказался на церковной скамье под пристальными взглядами огромной толпы прихожан. Звали его Бартли, ему было за сорок, но не намного, среднего роста, худой. Явно с характером, выдержанный, выносливый, но начавший терять силу. Лидер, однако уже не такой безоговорочный, как прежде. Он был в полевой форме, симпатично помятой, и от него пахло мылом.

– Будьте любезны, полковник, повторите приказ, который вы получили, – попросил Ричер.

– Я должен сесть в машину, в которой находятся два офицера военной полиции, – ответил Бартли. – Во избежание каких-либо сомнений с моей стороны меня поставили в известность, что я буду целиком и полностью находиться в их юрисдикции и обязан максимально честно отвечать на все заданные мне вопросы, потому что, опять же во избежание сомнений с моей стороны, мне сообщили, что данный приказ поступил лично от главнокомандующего.

– А он классно умеет обращаться со словами, верно?

– Он был юристом.

– Они все были юристами.

– О чем вы хотите меня спросить?

– Вы выбрали неудачный день, чтобы исчезнуть с радаров, подполковник, – сказал Ричер.

– Мне нечего сказать по этому поводу.

– Даже если вас спрашивает главнокомандующий?

– Речь идет о частном деле. Тот день не имеет ни малейшего отношения к моей профессиональной деятельности и обязанностям.

– Приятно слышать. Но я думаю, дело как раз в этом. Они хотят знать, чем вы занимаетесь в свободное время. Вы старший офицер, что накладывает на вас определенные обязательства. То, чем вы занимались, может быть плохим или, наоборот, очень хорошим. Вам следует нам все рассказать, потому что иначе у нас разыграется воображение и нам не удастся держать его в узде.

– Мне нечего сказать.

– Вы совершаете тактическую ошибку. Привлекаете ненужное внимание. Дыма без огня не бывает. Это точка невозврата, полковник. Момент, когда все отправляется псу под хвост. Возможно, из-за ничего. Или из-за мелочи, которая другим сошла с рук. Но вы намерены рухнуть с высоты на землю и сгореть в

пламени. В лучшем случае вы отправитесь в стойло. Или ваше имя навсегда пометят звездочкой. Вроде: «Мы не уверены насчет этого парня».

Бартли вытер ладони о брюки и ничего не сказал.

– Мне плевать на то, что вы сделали, – продолжал Ричер. – Если только это не одна определенная вещь, но я не думаю, что вы в ней замешаны. Я имею в виду, что шансов немного.

– Я уверен, что это не то.

– Ну да, конечно.

– У вас нет причин мной интересоваться.

– Не сомневаюсь, что так и есть. Но я должен посмотреть людям в глаза и сообщить свое честное мнение. Если это не то, что нас интересует, я буду счастлив сказать «нет», и больше ничего. Я буду счастлив сказать «не задавайте вопросов, потому что тут совсем другое». Ваш секрет останется с нами. Но сначала мне необходимо узнать, какого рода это «другое», поскольку мои слова должны прозвучать убедительно. Мне необходимо высказать свое мнение с уверенностью и авторитетностью, которые основываются на неоспоримых фактах.

– Ничего важного.

– Тут пан или пропал, подполковник. Когда оказываешься в яме, прекращай копать. Мне действительно все равно, где вы были и что делали. Я даже не стану никому ничего докладывать. Секс, наркотики или рок-н-ролл, мне плевать. До тех пор, пока это не то, что меня интересует. Что, как мы с вами согласились, маловероятно. На самом деле я хочу задать вам совершенно другой вопрос. Совсем другой.

– Какой?

– Это не главный вопрос, хорошо? Мы начнем с второстепенного. Не слишком важного. Скажем так, тренировочного. Вы бываете в Цюрихе каждую неделю?

Бартли молчал.

– Простой вопрос и простой ответ, который может подарить вам свободу, подполковник, – сказал Ричер. – Одно словечко, и вы пойдете дальше без единого пятнышка на репутации. Или не пойдете.

– Почти каждую неделю, – ответил Бартли.

– Включая тот день, про который вас спрашивают?

– Да.

– У вас остался билет на самолет?

– Да.

– Вы прибыли после ланча и улетели после ужина?

– Да.

– Вы ходили в банк?

– Да.

– С чем?

– Разумеется, с деньгами. Но они мои. И получены законно.

– Не объясните, в каком смысле?

– Что произойдет, если объясню?

– Зависит от того, что вы скажете и позорят ли ваши действия армию.

– А если позорят?

– Рискните.

Бартли молчал.

– Сами подумайте, подполковник, – сказал Ричер, – вы умный человек. Уверен, что у вас есть университетское образование. Это же не расщепление атома. Вы получили приказ сесть в нашу машину из Белого дома через Объединенный комитет штабов. Таким образом, как вы думаете, на кого мы работаем?

– Совет национальной безопасности.

– Насколько сильно они могут вам навредить?

– Очень сильно.

– Даже сильнее, чем вы можете себе представить. В миллион раз хуже, чем скандал, который разразится, если станет известно, что вы перевозите деньги в Швейцарию. Если скандал разразится. Однако ничего страшного может не произойти, если деньги ваши и заработаны легально. А вы сказали, что так и есть.

– Я прячу их от жены, с которой собираюсь развестись.

– Она причинила вам вред?

– Нет.

– Но вы все равно вывозите деньги.

– Я их заработал.

– Что заработали? Вы офицер армии, и я знаю, сколько вы получаете. Со всем уважением, я сомневаюсь, что ваши сбережения возбудят швейцарских банкиров до такой степени, что они лишатся сна. И не говорите мне, что речь идет о небольших суммах. Нет никакого смысла везти в Цюрих два доллара каждую неделю. Достаточно вспомнить про стоимость авиабилетов.

– Да, это имеет значение. И другие расходы, но я все сосчитал.

– Какие деньги?

– Наш дом. Здесь, в Америке. По большей части кредиты. Я хочу получить разницу. И стараюсь переводить деньги, насколько возможно быстро. Вывожу из Германии наличные. Так они перестают существовать на бумаге. Я храню их в сейфовой ячейке.

– Вы потрясающий человек, подполковник. Но на самом деле мне нужно знать, кого еще вы видели в Цюрихе. Кого-то, кто летает туда и обратно, возможно, как вы. Или новых людей, появившихся всего раз. Вы кого-то заметили?

– Например?

– Других американцев.

– Это частное дело. Не обязательно бывает так, что ты кого-то видишь.

– Как насчет аэропорта? Или просто на улице?

Бартли молчал.

– Мне нужен список, подполковник, – сказал Ричер. – Даты и описания. Военные и гражданские. Постарайтесь сделать все как можно тщательнее.

– Как вы намерены поступить? Кому и что расскажете о нашем разговоре?

– Президент сообщит Объединенному комитету, что вы не представляете интереса для национальной безопасности. По крайней мере, в данном вопросе. Что будет дальше, предсказать невозможно. Думаю, все зависит от того, с кем вам придется разговаривать. И насколько большой шум поднимет ваша жена.

Они выпустили его из машины перед казармой и покатали назад, в Маклин.

Враги бывают самые разные.

* * *

Они записали разговор с Бартли и отправили его в главный файл. Нигли ответила на телефонный звонок и сказала Ричеру, что военнослужащего, находившегося в самоволке четыре месяца, зовут Уайли. Из Техаса. Он входил в команду из пяти человек, обслуживавших зенитную ракетную установку «Чапаррель». Двенадцать ракет на гусеничной машине. Четыре на рельсах, готовых к запуску, и четыре в резерве. Их цель – защищать бронетанковую технику и людей на переднем крае боевых действий. Задача команды состояла в том, чтобы сидеть за линией танков и с помощью радара и биноклей изучать горизонт на предмет появления истребителей и боевых вертолетов. Затем – выстрелить и забыть. Самонаведение по тепловому излучению, как «Сайдуайндер» [4 - «Сайдуайндер» – американская управляемая ракета класса «воздух – воздух» с инфракрасной головкой самонаведения.], но лучше. Рассчитано на поражение неприятеля на малой высоте, когда он спускается, чтобы нанести удар.

– Идеальная штука для того, чтобы сбивать гражданские самолеты над городами, – заметил Ричер. – Во время взлета или приземления. Когда они достаточно низко.

– Он слишком большой, – возразила Нигли. – Длина одних только ракет составляет десять футов. А грузовик просто гигантский. Плюс гусеницы и камуфляжная краска. На парковке в аэропорту его обязательно заметят. Кроме того, они используют радар обнаружения передового района, и инфракрасные сенсоры там невероятно сложные. Их недавно усовершенствовали. Так что возникает та же проблема. Чтобы им управлять, нужны специалисты. Со всем уважением, но тренировочный лагерь в Йемене совсем не то же самое, что «Форд аэропейс». Кстати, такая же проблема с ценой. Двенадцать ракет на одну машину. Максимальная скорость менее сорока миль в час. Потребуется конвой, который будет двигаться целый день, чтобы оправдать сто миллионов долларов. Как парад на Красной площади. И еще, Уайли отсутствует четыре месяца, и он не мог вернуться сейчас, чтобы проверить сделку. Его сразу арестовали бы.

– И все же приглядывай за ним, – сказал Ричер. – Мне не нравятся четыре месяца. Кому-то следует надрать задницу. Да и вообще, что, черт подери, происходит?

* * *

В Гамбурге спускалась ночь, и иранец вышел на улицу. Вечерняя прогулка с газетой, засунутой под мышку. Тут и там в лавках и офисах, ювелирных и продуктовых магазинах, химчистках и страховых компаниях зажигались огни. Яркий, чистый, холодный, белый свет. Но не резкий, а мягкая разновидность неона. Более европейский. Окна булочных и кондитерских оставались темными, рабочий день там уже закончился. Янтарные приглушенные огни отмечали рестораны и бары, манили войти внутрь, обещая посетителям дружелюбный полумрак, царящий в стенах, обшитых дубовыми панелями. По проезжей части мчался поток машин, и все детали залитого сиянием вечера отражались на их гладко отполированных боках, а включенные фары, неестественно голубые, беспокойно металась, ощупывая дорогу впереди.

Иранец дошел до крошечного сквера, сел на скамейку и, откинувшись на спинку, положил руки на ручки. Мимо проносились машины, пешеходов не было. Он сидел и смотрел прямо перед собой.

Он ждал.

Потом неспешно встал, положил газету в урну, как сознательный гражданин, покинул сквер и медленно зашагал назад той же дорогой, которой пришел.

Через тридцать секунд из тени появился глава отдела ЦРУ, который перешел на другую сторону улицы. Не теряя времени, он сразу направился к урне, достал газету, засунул ее под мышку и зашагал прочь.

Через полчаса он уже звонил из американского консульства в Маклин, что в штате Вирджиния.

Глава

На его звонок ответил Вандербильт, который позвал к телефону Уайта. Тот стал слушать, и его глаза исполнили весь свой репертуар – сначала надолго прищурились, потом коротко остановились в одной точке, снова прищурились, взглянули налево, затем направо. Уайт молчал и делал записи на листке бумаги. «Две отдельные темы, – подумал Ричер. – Два заголовка. Два столбика, написанные аккуратным почерком».

Наконец Уайт повесил трубку и сказал:

– Две новости. Иранец попросил о встрече. Полчаса назад он оставил сообщение, спрятанное в газете. Кое-что из его сведений можно назвать гипотетическими. Это, скорее, культурологический анализ. Почти эссе. Он говорит, что саудовец, знакомый с курьером, очень возбужден. Как будто должно произойти что-то очень важное. Более значительное, чем он мог себе представить. И, вне всякого сомнения, это связано с сотней миллионов долларов. Словно они добрались до какого-то места, куда даже не надеялись попасть. Иранец подчеркнул, что он не знает никаких определенных подробностей, но и у саудовца их тоже нет. Тут дело в вере. У всех такое ощущение, будто началась новая игра. Он говорит, что саудовец постоянно улыбается, словно перед ним раскинулась Святая земля.

– А вторая новость? – спросил Ричер.

– Наше консульство получило стандартный отчет от каких-то низших чинов гамбургской полиции касательно американца, который встречался в баре с арабом. Странное дело. Если не считать того, что время и день как раз те, которые нас интересуют. Так что, вполне возможно, есть свидетель первого разговора нашего американца с курьером.

* * *

Уайт снова позвонил в консульство и получил местные номера телефонов, включая два номера человека, отправившего отчет, который, судя по всему, был крупным толстым типом по имени Гризман и возглавлял отдел расследований. В консульстве его хорошо знали. Рабочий день в Гамбурге давно закончился, но он все еще сидел за письменным столом в своем офисе и сразу снял трубку. Уайт включил громкую связь и спросил про полицейский отчет. Ричер услышал, как Гризман принялся перебирать бумаги – видимо, не смог сразу вспомнить, о чем речь, – потом нашел нужную. Странная встреча. Араб в баре.

И он отправил отчет в американское консульство.

В надежде получить бонусные очки.

– Чем я могу вам помочь? – очень вежливо по-английски спросил шеф отдела расследований. Совсем как консьерж в отеле.

– Нам нужно имя и адрес свидетеля, – ответил Уайт. – А также название и адрес бара. Подробная информация по тому и другому. Если возможно, установить наблюдение за обоими.

– Я не знаю...

– Я могу сделать так, что вам сейчас позвонит ваш канцлер. Глава государства. Может, тогда вы будете знать.

– Нет, я хотел сказать, что я не знаю подробностей. Я – шеф отдела расследований. Отчеты проходят через мой офис, но не более того. И вообще, тут сказано, что свидетель не в своем уме.

– Он в состоянии определить время?

– Хорошо. Я выясню для вас все детали. Разумеется. К концу завтрашнего дня.

– Вы издеваетесь? У вас есть час. И никому не говорите, что вы делаете и почему. Считайте, что это совершенно секретное дело. И не занимайте линию, чтобы я мог вам позвонить.

* * *

В Гамбурге Гризман сделал глубокий вдох, выглянул в окно, за которым царил вечерний сумрак, и тут же занялся делом. Впрочем, ничего сложного тут не было – несколько телефонных звонков, один номер привел к другому, точно проводящий путь нервной системы. Организация в действии, нечто, чем стоит гордиться. Подтверждение теории. Все четко и ясно. Он мог легко добраться до простого полицейского, ответившего на звонок свидетеля, если б захотел. А он

захотел. И задать ему совсем простые вопросы – к счастью. Имена и адреса, человека и места.

* * *

В Вирджинии Лэндри, помощник Уотермена, сказал:

– Мне не нравится, как звучат слова: «Более значительное, чем он мог себе представить». Кроме того, это не похоже на то, что кто-то собирается остановить часы. Тут явно все гораздо хуже.

– Мы слышали это из третьих рук, – заметил Ричер. – И не знаем, каким тоном все было сказано.

– Но?...

– Я услышал слова «совершенно новая игра». Как будто речь идет об огромном шаге вперед. И они не ожидали этого до такой степени, что у них появилось ощущение случайности. Словно они уронили пятицентовик, а нашли четвертак. Случилось нечто такое, что привело двадцатилетнего парня, который носит итальянскую обувь и ходит в ночные клубы, в невероятное возбуждение сродни эротическому. Неужели компьютеры могут оказать такое воздействие?

– Мы думаем, да, – ответил Лэндри. – И в дальнейшем это будет только усиливаться. Однако даже сейчас ущерб может быть катастрофическим. Огромное количество людей погибнет. Но я согласен, эротики тут нет никакой.

– И не грандиозный жест, которые они очень сильно ценят, – добавил Вандербильт. – Речь не о том, чтобы взорвать какое-то здание. В этом нет ничего театрального – скорее, чисто техническая акция.

– Значит, все согласны с тем, что мы зря тратим время на компьютеры, – сказал Ричер.

– А с чего еще нам начать?

– Что продает американец?

– Мы это уже обсуждали.

– Час прошел, – вмешался Уотермен.

Уайт снова набрал номер в Гамбурге, и Гризман ему ответил. Он назвал имена и адреса свидетеля и бара. Свидетель являлся муниципальным служащим, начинал работу рано утром и заканчивал после ланча. Отсюда и бар днем. Он придерживался строгих убеждений, некоторые из них были агрессивными, и все – ошибочными. Бар находился в пяти улицах от явочной квартиры и считался консервативным, но это не выставлялось напоказ. Выглядел он цивилизованным, строгим, но не навязчиво – мужчины, по большей части в костюмах, с нормальными стрижками, – но пока еще не антиамериканским, если американцы были белыми.

После того как Уайт закончил разговор, Нигли нашла бар на карте, которая у нее осталась.

– Это место нам не слишком понравилось, – сказала она. – В приличной части района. Двадцать минут неспешным шагом от явочной квартиры. Время укладывается в схему. Вы думаете, именно там состоялась встреча?

– Правильное место и правильное время, – сказал Ричер. – И ощущение правильное.

– Нам нужно получить у свидетеля описание. Может быть, фоторобот.

– А мы можем доверять гамбургским копам? Или нам следует отправиться туда самим?

– У нас нет специалиста по составлению фотороботов. К тому же, может быть, свидетель не говорит по-английски. Нам придется положиться на них. В любом случае Госдепартамент будет на этом настаивать. Иначе может произойти дипломатический инцидент.

Ричер кивнул. Он уже имел дело с немецкими полицейскими, как военными, так и гражданскими. С ними не всегда было просто. По большей части из-за разницы в восприятии реальности. Немцы считают, что им отдали страну, американцы – что они приобрели огромную военную базу с обслуживающим персоналом.

Они услышали шум автомобиля на подъездной дорожке, который промчался мимо щита высотой по колено. Потом еще один. Две машины. Точнее, вне всякого сомнения, два черных фургона. Через минуту в дверь вошли двое мужчин в костюмах, а за ними – Рэтклифф и Синклер. Замыкали шествие еще двое охранников в костюмах. Рэтклифф запыхался, у Синклера покраснели щеки и шея. Она была в очередном черном платье и выглядела так же великолепно, как и прежде. Может, даже лучше. Возможно, благодаря краске на щеках.

– Я слышал, у нас появился свидетель, – сказал Рэтклифф.

– Таково наше допущение на настоящий момент, – ответил Ричер.

– Мы рискнем и бросим кости. Вы и сержант Нигли сегодня вечером вернетесь в Германию. Государственный департамент предоставит вам паспортные фотографии всех двухсот программистов. Включая экспатриантов. Первым делом утром вы должны поговорить со свидетелем. Сейчас, пока мы с вами беседуем, идут переговоры с полицейским департаментом Гамбурга. Затем, сразу после того, как свидетель укажет на фотографию, вы позвоните сюда и назовете имя, и мы арестуем парня прямо у него дома. И наше дело будет закрыто, аккуратно и быстро.

Ричер не стал ничего говорить.

* * *

Они сели на тот же рейс «Люфтганзы», вылет ранним вечером, шесть временных зон, прибытие по расписанию в самом начале рабочего дня. Нигли принесла свою сумку. На этот раз у Ричера тоже была сумка, красная, холщовая, возможно, из Национального музея воздухоплавания и астронавтики. Или какой-то служащий Государственного департамента носил в ней ланч, а у него ее забрали, поскольку возникли форс-мажорные обстоятельства, и сложили туда

двести фотографий с паспортов. Оказалось, что это очень много. Каждый снимок был приклеен на карточку с именем и номером паспорта. Ричер и Нигли просмотрели часть, обмениваясь ими, точно игральными картами. Нашли экспатрианта, живущего в Гамбурге, представителя контркультуры с копной волос. Официальная фотография оказалась лучше той, что напечатали в подпольном журнале, более четкой и блестящей. Стандартный размер, белый фон. Мужчина смотрел прямо перед собой, в глазах застыл вызов. Большая голова на тонкой шее.

– Это не он, – сказал Ричер.

– Почему?

– Он что-то делает с волосами, чтобы они так выглядели. А если и не делает, это своего рода выбор, заявление. Как будто он хочет сказать: «Посмотрите на меня. Оцените мои волосы». Он вроде тех парней, которые носят шляпы. Они тоже говорят: «Посмотрите на меня. Оцените мою шляпу». Тебе не кажется, что это в определенном смысле жест отчаяния, неуверенности в себе? Словно того, что у них внутри, недостаточно. Такие люди не пишут программы, способные уничтожить вселенную. Если ты достаточно умен, чтобы создать нечто подобное и продать это за сотню миллионов баксов, да еще в полной тайне, ты ни в коей мере не будешь чувствовать неуверенности в себе. Ты лучший, ты король.

Они убрали фотографии обратно в сумку и поели. Нигли сидела у окна и вскоре уснула, прислонив голову к стене – меньше опасность случайного контакта. Ричер не спал. Он думал про свидетеля. Муниципальный служащий с агрессивными взглядами. Возможно, пустая трата времени. Или человек, который спасет вселенную. Джеку очень хотелось на него взглянуть. Он чувствовал себя самолетом, который мчится на восток, чтобы встретить рассвет.

* * *

Американец причесывался, глядя в зеркало в ванной комнате отеля, в котором остановился. Он рано встал. Без всякой на то причины. Он прекрасно спал и был спокоен. Но решил, что пришла пора возвращаться. Он примет душ, соберет вещи и отправится в путь до того, как начнется утренний час пик. А дальше поплывет по течению.

Но сначала он хотел выпить кофе, поэтому надел вчерашнюю одежду и причесался. Волосы у него стояли торчком от подушки, поэтому он открыл кран и смочил их водой. Потом посмотрел на себя в зеркало. Нормально. Ему всего лишь предстояла короткая поездка вниз и обратно вверх на лифте. В вестибюле он налил себе кофе навынос из серебристого кофейника, стоявшего на столе перед столовой. На таком же столике по другую сторону двери лежали газеты. Очевидно, голландские, а еще британские, французские, бельгийские и немецкие. И «Геральд трибьюн» из дома. Они были разложены аккуратно, ровными стопками.

В бельгийской газете не оказалось ничего такого, что могло его заинтересовать. Никаких заголовков и статей. Ничего на первой странице гамбургской газеты. На второй и третьей ланч тоже.

На четвертой его внимание привлек заголовок. Не очень большой и не бросающийся в глаза. И статья в два дюйма. По большей части обычная болтовня. Полиция заявила, что дело получило максимальное внимание и они добились некоторого успеха.

Особенное внимание они уделили отпечаткам пальцев внутри машины жертвы.

Американец положил газету обратно на стол и закрыл глаза. Она согласилась сразу, на парковке. Обернулась, с радостью, театрально, и поманила его в свою машину, нетерпеливо, с заговорщической улыбкой, как будто сгорала от желания. А потом отвезла его к себе домой. В аккуратном трехдверном купе, крошечном, но похожем на банковское хранилище.

Он мысленно вернулся в машину. Внешняя ручка двери. Черная, как будто из ткани. Красивая. Возможно, там все хорошо, и ему нечего бояться. Внутри дверь обита кожей. И углубления для пальцев, кажется, виниловые – наверное, чтобы сэкономить, – но на вид такие же, как все вокруг. Немного зернистые, как и должно быть. Скорее всего, не самая лучшая поверхность для отпечатков. Может быть, там ничего не осталось.

Лапка ремня безопасности в форме буквы «Т», перемишка из черного пластика, на ощупь напоминающего мелкий наждак. Наверное, чтобы было удобно держать в руке. Видимо, какое-то местное правило. Тут всё в порядке. Затем кнопка, открывающая замок. Большой палец левой руки. Он вспомнил, как

защелкнул замок. Локоть отставлен назад, палец нащупывает отверстие... Красный пластик, жесткий и неровный.

В лучшем случае там остался частичный отпечаток пальца. Возможно, он его смазал, когда зацепился курткой. Он вспомнил давление на ноготь по большей части. Вертикально вниз, не спеша, медленно. Потом четкий щелчок под стать маленькой, будто игрушечной, машине. Все неторопливо, давая время предвкушению набрать силу перед тем, как он развернет свой подарок. Его любимые мгновения во многих отношениях.

Замок ремня безопасности его не выдаст.

А вот ручка двери, маленькая, хромированная, холодная на ощупь, с пространством для пальцев может оказаться опасной. Средний палец правой руки скользнул внутрь, одинокий, изящный; так он подумал, будто намекая на что-то, потом замер на секунду, словно задавал вопрос: «Ну, мы идем?» Подушечка полностью прижата к хрому, потом сильнее, чтобы открыть замок, затем палец так же изящно вернулся на свое место.

Отпечаток получился четкий и не смазанный.

Гладкий, холодный хром.

Как глупо.

Его вина.

Глава

11

Очевидно, немецкую иммиграционную службу заранее предупредили об их прилете, потому что, как только Нигли протянула свой паспорт, пограничник в будке сделал знак, и крупный толстый мужчина поднялся с жесткого стула в соседнем зале, чтобы их поприветствовать. Он сказал, что его зовут Гризман, и

добавил, что узнал имена Нигли и Ричера, которые записал патрульный, когда опрашивал их на улице. Они тогда назвались туристами. Но полицейский сказал, что они были не слишком похожи на обычных туристов. И теперь он понимает, что тот имел в виду. Потом Гризман добавил, что будет счастлив помочь им любыми доступными ему способами. Свидетель уже ждет их в отделении полиции и полон энтузиазма и желания сотрудничать. Ему сказали, что с ним собираются проконсультироваться по вопросу национальной безопасности. На работе он получил выходной, оплаченный, поскольку он выполняет свой гражданский долг. Гризман добавил, что свидетель не говорит по-английски и на беседе будет присутствовать переводчик. И, да, в Германии принято показывать свидетелю фотографии потенциальных подозреваемых.

Полицейский «Мерседес», на котором приехал Гризман, стоял в месте, запрещенном для парковки; они забрались в него и тут же отъехали от тротуара. Сиденье просело под весом Гризмана, который был невероятно крупным мужчиной. На дюйм выше Ричера и на пятьдесят фунтов тяжелее. В два раза больше, чем весила Нигли. Но в основном это был жир, так что он не представлял ни малейшей опасности ни для кого, кроме себя самого.

– Вчера вечером по телефону вы сообщили, что свидетель безумен, – сказал Ричер.

– Не в прямом смысле, разумеется, – ответил Гризман. – Он помешан на определенных вещах, но не более того. Вне всякого сомнения, страдает расизмом и ксенофобией, усиленными иррациональными страхами. Но в остальном вполне нормален.

– Вы бы поверили его показаниям в суде?

– Конечно.

– А как насчет судьи и присяжных?

– Конечно, – повторил Гризман. – В обычной жизни он ведет себя вполне адекватно. В конце концов, он же работает в городской службе, как и я.

Полицейское управление, куда они приехали, оказалось лучшим в Гамбурге. Оно занимало большое, новое, ультрасовременное здание. Интегрированное. С

собственными лабораториями. На тропинках на каждом углу стоял лес указателей, направлявших посетителей в тот или иной отдел. В общем, сложный комплекс, больше похожий на городскую больницу или университет. Гризман заехал на служебную парковку, и они выбрались наружу. Нигли несла свою сумку, Ричер – свою. Они последовали за Гризманом в здание, поворачивали направо, налево, стараясь не отставать, по широким чистым коридорам в комнату для допросов с окошком из армированного стекла в двери.

Войдя внутрь, они увидели мужчину, сидящего за столом, на котором стояли кофе и тарелка с булочками и было полно крошек. Взглянув на него, Ричер предположил, что ему около сорока – серый костюм, возможно, из полиэстера, жалкие седые волосы, смазанные маслом и облепившие череп, очки в стальной оправе, бесцветные глаза за стеклами и бледная кожа. Единственным ярким пятном был галстук, желто-оранжевый, широкий и короткий, похожий на рыбину, свисающую с шеи.

– Его зовут Гельмут Клопп. Он из Восточной Германии. Приехал после объединения, как и многие другие, в надежде получить работу, – сообщил Гризман.

Ричер продолжал рассматривать мужчину, размышляя о том, что, возможно, они зря потратят с ним время, – а может быть, перед ним спаситель вселенной. Гризман даже не попытался войти в комнату, вместо этого он сдвинул манжет и взглянул на часы. И тут из-за угла появилась женщина, которая направилась прямо к ним. Гризман увидел ее и с довольным видом вернул манжет на место. Минута в минуту. Знаменитая немецкая точность.

– Наш переводчик, – сказал он.

Женщина была невысокой и коренастой, с волосами, так сильно покрытыми лаком, что они превратились в шар вокруг головы, похожий на мотоциклетный шлем. Ричер решил, что ее серое платье сшито из ткани, напоминающей габардин, – по крайней мере, такой же жесткой, как у форменного пиджака. Картину дополняли толстые шерстяные чулки и туфли, которые, судя по всему, весили по два фунта каждый.

– Доброе утро, – произнесла она голосом кинозвезды.

– Давайте войдем внутрь, – предложил Гризман.

– Что конкретно мистер Клопп делает для города? – спросил Ричер.

– Вы имеете в виду его работу? Он отвечает за персонал. В данный момент в Департаменте канализации.

– Он доволен?

– Мистер Клопп трудится в офисе, ему не приходится заниматься тяжелой физической работой. Складывается впечатление, что он вполне доволен. Он на хорошем счету у начальства, и его считают педантичным.

– Почему такие странные присутственные часы?

– А они странные?

– Вы сказали нам, что он начинает рано и заканчивает после ланча. Такая работа представляется мне физической, а не офисной.

Гризман произнес какое-то длинное слово – судя по всему, название, – и переводчица сказала:

– Было выдвинуто предложение по уменьшению загрязнения окружающей среды путем сокращения движения в часы пик, и людям предложили сдвинуть свои рабочие часы. Разумеется, от местной администрации ожидалось, что она станет примером для остальных жителей города. Так что Департамент канализации выступил за более раннее начало трудового дня и, соответственно, такое же раннее его окончание. Или им пришлось. В любом случае городские власти объявили, что результат этого нововведения уже заметен. Последние тесты показали, что выброс вредных частиц снизился более чем на семнадцать процентов.

Она сообщила это так, будто они одержали величайшую победу в истории. Как в черно-белом фильме 40-го года, где на гигантском серебристом экране застегнутый на все пуговицы пуританин соглашается сделать нечто очень плохое, потому что она с соблазнительным придыханием его попросила.

– Готовы? – спросил Гризман.

Они вошли в комнату, и Гельмут Клопп поднял голову. Гризман не ошибся – он был счастлив, что вдруг оказался в центре событий, и собирался насладиться своим везением по полной. Скорее всего, его не устраивала собственная жизнь. Да, немец, но восточный на Западе, со всеми вытекающими проблемами эмигранта. Гризман заговорил по-немецки, и Клопп ему ответил.

– Вас представили как оперативников высшего звена, которые только что прилетели из Америки, – сказала переводчица.

– И что ответил мистер Клопп? – спросил Ричер.

– Сказал, что готов оказать вам любую посильную помощь.

– Сомневаюсь, что он ответил именно это.

– Вы говорите по-немецки?

– Немного. Я уже бывал здесь раньше. Я прекрасно понимаю, что вы стараетесь соблюсти вежливость, но мы с моим сержантом слышали вещи похуже, чем может сказать этот человек. В данном деле точность гораздо важнее наших чувств. Ситуация может оказаться очень серьезной.

Переводчица посмотрела на Гризмана, который кивнул.

– Свидетель рад, что сюда прислали белых.

– Хорошо, – сказал Ричер. – Сообщите мистеру Клоппу, что он является важной фигурой в текущей операции. Мы намерены подробно познакомиться его со всеми деталями и очень хотим узнать его мнение и получить советы. Но нам нужно с чего-то начать, ведь завязка разговора чрезвычайно важна, поэтому мы прежде всего сосредоточим наше внимание на подробном физическом и поведенческом описании двух мужчин, выбрав случайным образом первым американца. Мы хотим услышать все от него самого, а потом покажем ему кое-какие фотографии.

Переводчица сказала все это по-немецки, повернувшись лицом к Клоппу, оживленно и тщательно выговаривая слова. Тот слушал ее и с важным видом кивал, как будто видел перед собой долгосрочное и невероятно сложное задание, к выполнению которого он тем не менее приложит все силы.

– Мистер Клопп часто бывает в том баре? – спросил Ричер.

Когда переводчица передала вопрос свидетелю, тот довольно пространно ответил.

– Он ходит туда два или три раза в неделю. У него два любимых бара, которые он посещает в соответствии с пятидневной рабочей неделей.

– Как давно он ходит в тот бар?

– Около двух лет.

– Он видел американца в баре раньше?

Возникла пауза, свидетель задумался, затем что-то сказал по-немецки.

– Да, ему кажется, что видел – два или, возможно, три месяца назад.

– Кажется?

– Он уверен, насколько это возможно. Мужчина, которого он видел два или три месяца назад, был в шляпе, поэтому он не может сказать точно. Он говорит, что вполне мог ошибиться.

– В какой он был шляпе?

– Бейсболке.

– На ней были какие-то надписи или картинки?

- Он думает, что красная звезда, но как следует рассмотреть ее не представлялось возможным.
- К тому же прошло много времени.
- Его воспоминания связаны с погодой.
- Но в любом случае американец не является постоянным посетителем?
- Нет.
- Как он понял, что тот мужчина был американцем?

Переводчица и свидетель что-то долго обсуждали, прозвучал какой-то длинный перечень, потом переводчица сказала:

- Он говорил по-английски. Акцент. Громко. То, как он был одет. И двигался.
- Ладно, - сказал Ричер. - Теперь нам нужно описание. Он видел американца сидящим или стоящим?
- И то и другое. Он вошел, сел один за столик, потом к нему подошел араб, они поговорили, араб ушел, американец снова остался один, а через некоторое время покинул бар.
- Рост американца?
- Метр семьдесят - семьдесят пять.
- Пять футов восемь дюймов, - объяснил Гризман. - Обычный средний рост.
- Толстый или худой? - спросил Ричер.
- Ни то, ни другое, - ответила переводчица.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Адресная книга фирмы «Ролодекс». – Здесь и далее прим. пер.

2

Имеется в виду Западное крыло Белого дома, где располагается рабочая часть резиденции президента США, в т. ч. Овальный кабинет.

3

Федеральное управление гражданской авиации.

4

«Сайдуайндер» – американская управляемая ракета класса «воздух – воздух» с инфракрасной головкой самонаведения.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chayld_li/dzhek-richer-ili-vechernyaya-shkola

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)